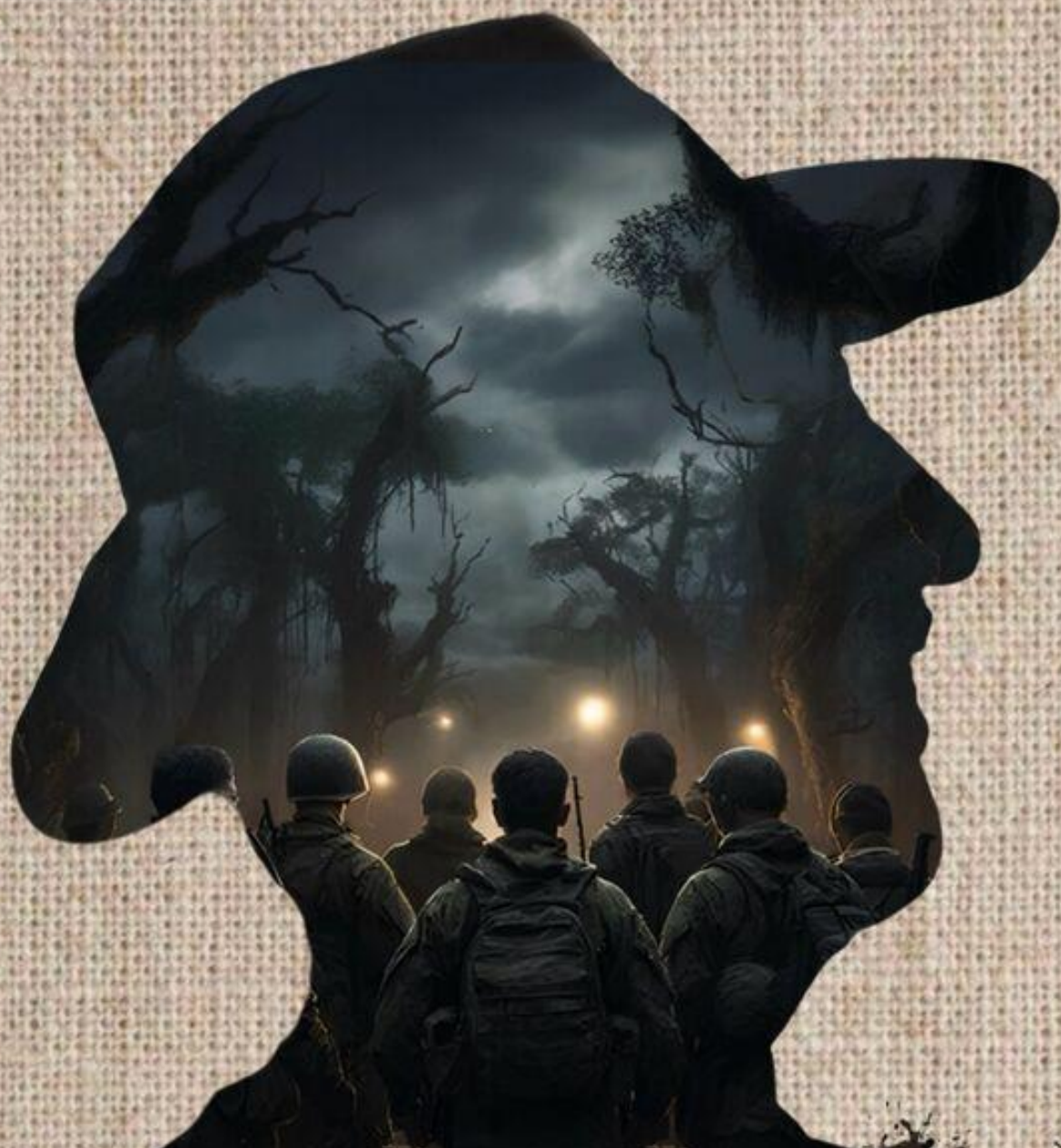

АНТОН КУЗ

18+

БОЛЕЕ СТРАШНЫЕ, ЧЕМ МЕТАЛЛЕННЫЕ
АРТЕФАКТЫ И ДЕМОНИЧЕСКИЕ СУЩНОСТИ...

ТЕНЬ НАД ПЕРЕШЕЙКОМ

ВСЕ ОНИ НЕ ТЕ, КЕМ КАЖУТСЯ

Антон Куз

Тень над перешейком

«Издательские решения»

Куз А.

Тень над перешейком / А. Куз — «Издательские решения»,

Страйкбольная команда «Вепрь» отправляется в леса Северного Приладожья, чтобы найти следы пропавшего в 1944 году деда их командира. Вместо заброшенной базы они находят «Гранит» — объект, где время и реальность дают трещину. Чтобы выжить, им придётся не просто сражаться с призраками войны и древней аномалией, но и сделать главный выбор в жизни: поддаться соблазнительной силе ненависти или, ценой невероятных жертв, остаться людьми.

© Куз А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1: Зов крови	6
Глава 1. Наследие	6
Глава 2. Точка на карте	10
Глава 3. Лес, что помнит всё	14
Глава 4. Жребий брошен	18
Глава 5. Незваные гости (1944)	23
Глава 6. Дорога в прошлое	27
Глава 7. Долг призраков (1944)	30
Глава 8. Реликт	32
Глава 9. Те кто идут в ад (1944)	36
Глава 10. Ночь, впустившая тени	39
Глава 11. Обитель Сумрака (1944)	45
Часть 2. Тени прошлого	48
Глава 12. Врата в иной мир	48
Глава 13. Солдатская доля (Унтер-офицер Хуберт)	53
Глава 14. Лагерь страха	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тень над перешейком

Антон Куз

© Антон Куз, 2026

ISBN 978-5-0071-2309-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тень над перешейком.

Антон Куз.

«Страйкбольная команда «Вепрь» отправляется в леса Северного Приладожья, чтобы найти следы пропавшего в 1944 году деда их командира. Вместо заброшенной базы они находят «Гранит» — объект, где время и реальность дают трещину. Пытаясь раскрыть тайну, ребята не подозревают, что стали пешками в игре сторонней силы. Чтобы выжить, им придётся не просто сражаться с призраками войны и древней аномалией, но и сделать главный выбор в жизни: поддаться соблазнительной силе ненависти или, ценой невероятных жертв, остаться людьми. Эта книга — реквием для поколения 1980х годов, заражённых вирусом реваншизма. Это история о цене памяти, природе зла и о том, что самое страшное чудовище часто надевает маску спасителя. Что есть вещи более страшные, чем инопланетные артефакты и демонические сущности. Что самый настоящий ужас и тьма может обитать в душе обычных, простых людей. Людей, которые живут рядом с тобой, вместе едят и тренируются, но из-за одержимости своей идеей перестают видеть в тебе человека.

Часть 1: Зов крови

Глава 1. Наследие

Алексей сбросил на вешалку мокрую, отяжелевшую от дождя куртку и с тихим вздохом облегчения ввалился в старинное советское кресло. Пружины под ним жалобно заскрипели, приняв форму его тела. Два часа за рулём сквозь осенний питерский ливень, который хлестал косыми, свинцовыми плетями со сгустившегося неба, вымотали его сильнее, чем многочасовая страйкбольная игра. Его команда «Вепрь» славилась выносливостью, но против слепой, хаотичной ярости стихии и металлического безразличия городских пробок не было ни тактики, ни снаряжения — а только одно терпение.

Квартира его бабушки была маленькой вселенной, замкнутой и завершённой. Здесь, в этой пятиэтажной хрущёвке, всё не менялось уже многие годы, и стало знакомым и родным — и выпцветшие обои в цветочек, и герань в горшках на окне, и скрип старого паркета. И даже пахла она чем-то родным и уютным — яблочным пирогом, только что вынутым из духовки, или сладковатым запахом старой бумаги от шкафов с книгами и папками с газетными вырезками и письмами.

— Поешь сначала, Лёшенька, — голос Валентины Петровны из кухни был таким же привычно-тёплым. Островок стабильности в вечно спешащем куда-то мире.

— Сейчас, Ба, спасибо, — крикнул он в ответ, запрокинув голову на спинку кресла и закрыв глаза. Он чувствовал, как тепло, настоящее, домашнее тепло этой квартиры, медленно прогоняет внутренний озноб, сковавший его ещё в пробке на выезде из города.

Алексей любил эти нечастые визиты до щемящей боли в груди. Они были не просто поездкой в гости — это было паломничество в прошлое, островок немыслимого покоя в его жизни, несущейся куда-то с бешеной скоростью. Работа, тренировки, выезды с командой, бесконечный поток цифр и лиц — всё это было важно, необходимо. Но здесь, среди знакомых с детства вещей — серванта с хрусталём, ковра с оленями на стене, старых громко тикающих часов — время текло иначе. Медленнее. Оно позволяло просто спокойно дышать.

Валентина Петровна вошла в комнату, неся тарелку с дымящимся, румяным пирогом, от которого пахло яблоками, корицей и детством. И пока Алексей как в этом самом детстве схватил пирожок, откусил огромный кусок и стал жевать, бабушка подошла к серванту.

— Лёша, я решила тебе кое-что отдать.

В её руках был небольшой, потрёпанный от времени предмет, от вида которого у Алексея невольно замерло сердце, пропустив один удар, а затем забившись с новой, тревожной силой.

Дневник.

Плотная картонная обложка, когда-то, наверное, тёмно-зелёная, теперь выпцвела до грязно-болотного цвета глубокого лесного омута. Углы были стёрты до трухи, сам блокнот был перевязан обычной бечёвкой, которая врезалась в картон, словно вросла в него за долгие десятилетия.

— Вот, решила отдать тебе. — Снова повторила она, как будто подтверждая своё решение и отбрасывая сомнения. Бабушка бережно, с почти религиозной осторожностью, положила дневник на стол. Её пальцы, исчерченные синими прожилками прожитых лет, на мгновение задержались на обложке, погладили её — не как вещь, а как что-то живое, хрупкое и дорогое. — Мне уже тяжело разбирать его каракули, да и глаза уже не те... а тебе, может, интересно будет. Да и... боялась я раньше тебе его показывать. А сейчас думаю ты уже достаточно вырос.

Алексей медленно отложил кусок пирога. Он слышал об этом дневнике раньше, но потом по словам бабушки дневник куда-то потерялся, а на самом деле он лежал и ждал своего часа.

Дневник писал его дед, Иван Волков. Старший лейтенант, артиллерист. Он пропал без вести где-то в лесах Северного Приладожья глубокой осенью 1944-го, через несколько месяцев после сражения при Тали-Ихантала. Для семьи, для бабушки — это была не страница истории, а старая, но незаживающая рана. Официально — дед пал смертью храбрых, и на гранитной плите у братской могилы у перекрёстка дорог в Портинхойка было выбито его имя. А реально не было ни могилы, ни точной даты, ни даже намёка на то, как это случилось.

— Ты же историей этих мест интересуешься, — продолжила бабушка, и в её голосе, всегда таком твёрдом, прозвучала странная, пронзительная нота — не знание, а смутная, затаённая тревога. — Может, найдёшь что... Ты же у меня всё копаешь. Он ведь там, в тех лесах, пропал. Твои леса.

Алексей кивнул, не в силах оторвать взгляд от тетради. «Его леса» — это были не просто слова. Леса Карельского перешейка и Северного Приладожья, где «Вепрь» проводил свои самые сложные, амбициозные игры. Он и правда увлекался военной историей, выискивая по архивам и картам старые укрепайоны, финские доты, полузаросшие траншеи. Это придавало их страйкбольным баталиям особый, мистический, почти сакральный смысл. Игра в войну на той самой земле, где она когда-то шла по-настоящему.

Он медленно, будто боясь спугнуть, развязал бечёвку. Узел поддался не сразу, затвердев от времени. Бумага внутри была жёлтой, хрупкой, на просвет напоминающей старый пергамент. Она была испещрена уборым, с сильным наклоном вправо почерком. Чернила, когда-то фиолетовые, выцвели до цвета ржавчины и запёкшейся крови.

Первые записи были сухими, почти уставными, дышащими армейской дисциплиной: «27.08.1944. Вырвался из окружения у хутора Нурмилампи. Через неделю попал в партизанский отряд „Смерч“. В отряде 11 человек. Продуктов на три дня. Боеприпасы на исходе. Двигаемся на восток, к своим.» Но чем дальше он листал, водя пальцем по шершавой поверхности бумаги, тем больше трещин появлялось в этой строгой картине. Сухой язык военного донесения начинал трещать по швам, пропуская внутрь что-то иррациональное.

«...3 сентября. Снова тот звук. Не похож ни на взрыв, ни на гром. Будто сама земля гудит на непонятной ноте. Ребята шутят — „карельский бог сердает“. Но в шутках этих — страх. Настоящий. Видел сегодня, как Ефим, бывший охотник, а он не из пугливых, перекрестился по-старообрядчески и сплюнул через левое плечо. Знает он что-то. Не говорит.»

Алексей оторвался от текста, почувствовав на себе тяжесть взгляда. Бабушка молча сидела напротив, и в её глазах, обычно таких ясных, он прочитал не привычную грусть по мужу, а нечто иное — ту самую смутную, затаённую тревогу, которая сквозила в её голосе. Тревогу, граничащую с суеверным страхом.

— Бабушка, — его собственный голос прозвучал хрипло, — а он... дед... он же не вернулся с войны. Как тогда этот дневник у тебя оказался?

Она покачала головой, резко отвернувшись к окну, за которым по стеклу, как слёзы, струились потоки дождя. Её профиль на мгновение показался удивительно старым и беззащитным.

— Да, Лёша. Он не вернулся, только похоронка пришла. «Ваш муж пал смертью храбрых защищая Советскую Родину». — Она поправила платок на голове, её пальцы слегка дрожали. — Его дневник принёс один человек. Осенью пятьдесят первого. — Она замолчала, собираясь с мыслями, глядя в прошлое.

— Пришёл мужчина. Инвалид. Без двух пальцев на левой руке, хромал сильно. Лицо... изрытое, худое. Представился: «Григорий Семёнович. Служил с вашим Иваном в одном отряде». Он сказал, что был их политруком. — Бабушка сделала паузу, сглатывая ком в горле. — «Ваш Иван, — говорит, — приказал. Сказал: если со мной что, отнеси Вале. Только ей». И протянул вот это... И часы его, и награды. Больше ничего не сказал. На вопросы не отвечал. «Не могу», — говорит. «Не имею права». Выпил стакан воды, поклонился и ушёл. И всё. Больше я его никогда не видела. И ни от кого другого ни слуху, ни духу.

Она обвела комнату влажным взглядом, словно впервые видя её пустоту.

— Так что не знаю я, Лёшенька, что и как там было. Да и где это «там». Знаю только, что он туда ушёл и не вернулся. А тот человек... в глазах у него была такая пустота, такая мёртвая усталость, что спрашивать больше не поднялась рука. Будто он сам из могилы пришёл.

Алексей слушал, затаив дыхание. История обретала плоть. Григорий Семёнович. Политрук. Призрак из прошлого, лично передавший реликвию. Это было в тысячу раз страшнее и весомей, чем просто «сослуживец». Это означало, что дед предчувствовал свою гибель. И доверял именно этому человеку.

— И его дневник... тебе не показалось что он какой-то странный? — тихо спросил Алексей, указывая на дедовы записи.

— А я так и не прочитала его до конца. Не смогла. Первые страницы — больно было. А потом... потом стало страшно. — Она призналась в этом шёпотом, словно впервые. — Словно не он писал. Как будто... другой человек вёл эти записи в конце. Чужой.

Это признание повисло в воздухе леденящей тяжестью. Алексей снова погрузился в чтение, но теперь буквы плясали перед глазами. Записи становились всё более обрывочными, нервными, почти бредовыми, как будто рука писавшего дрожала не от холода, а от чего-то иного.

«...5 сентября. Преследуем группу немцев. Не обычные солдаты. Идут целенаправленно, не оглядываются. Будто карта у них есть, которой у нас нет. Старый финн-проводник бормочет без умолку. Про „камни, что пьют душу“. Про „спящих в земле“. Бред, а жутко... Все притихли.»

«...7 сентября. Нашли их лагерь. Ушли быстро, но бросили кое-что. Среди вещей — бумаги с диковинными знаками. Не руны, не буквы. Словно змеи переплетённые, или круги на воде от камня, которого нет. Они идут туда. Называют „Местом Силы“. Чёртова сила им нужна в наших лесах? Что они хотят разбудить?» «... 9 сентября. Захватили пленного немца. Случайно. Похож на сумасшедшего. Что могло заставить егеря из „едельвейсов“ сойти с ума? Бормочет что-то про руководителя группы Келлера и какое-то Аненербе. Хотели его взять с собой и не смогли.»

И тут, между страницами, похожими на осенние листья, Алексей нашел её. Аккуратно сложенный, почти невесомый листок папиросной бумаги, вложенный с такой бережностью, будто это была не бумага, а священный символ. Он развернул его, и у него в груди всё сжалось в один тугой, болезненный комок.

Это была схематичная карта, нарисованная от руки, химическим карандашом, побуревшая от времени. Но линии были проведены твёрдо, уверенно. Узнаваемые изгибы рек, пятна озёр, смутно знакомые ему по современным топосъёмкам и собственным вылазкам. А в самом центре, в глухом, непроходимом, отмеченном частой штриховкой массиве, куда даже они с «Вепрем» никогда не забирались, была нарисована небольшая, но отчего-то зловещая звёздочка. И рядом, уже не убористым, а старательным, чётким, выведенным с невероятным усилием воли почерком, стояли слова:

«ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕТ. ИДИ ПРОЧЬ.»

Сердце Алексея заколотилось с такой силой, что он услышал его стук в ушах. Это был не просто артефакт войны, не старый документ. Это была загадка, брошенная ему лично, через толщу десятилетий. Ключ, переданный из рук в руки. Загадка от деда, чью судьбу, чью боль и чью тайну он всегда, с самого детства стремился понять.

— Спасибо, бабушка, — выдохнул он тихо, не в силах оторвать взгляд от этих роковых линий. — Это... невероятно.

Валентина Петровна тяжело вздохнула, подошла и положила свою сухую, тёплую ладонь ему на плечо. Её прикосновение было одновременно и любящим, и полным невыразимой печали.

— Будь осторожен, внучек, — прошептала она так тихо, что это было похоже на шелест тех самых страниц. — Леса те... они помнят всё. Каждую слезу, каждую каплю крови. И отпускают не всех. Иногда... они забирают... навсегда.

Алексей не ответил. Он уже не видел ни тарелки с душистым пирогом, ни струящихся по стеклу дождевых потоков, стиравших границу между уютной квартирой и мокрым, враждебным миром снаружи. Перед его глазами стояли только жёлтые страницы с безумными записями и эта схема, эта карта, ведущая в никуда. В место, которого нет.

Туда, где пропал его дед.

И тишина квартиры, ещё несколько минут назад такая уютная, вдруг стала звенящей и многозначительной, будто в ней затаилось само Время, ожидая его следующего шага.

Уже в дверях он обернулся. Бабушка стояла в проёме кухни, вытирая руки о передник, и смотрела на него с той странной, тревожной смесью любви и страха, которую он видел в её глазах весь вечер.

— Ты только помни: ты не один. Твои ребята — они тоже семья. Береги их.

Он кивнул, не найдя слов, и вышел. Но уже на лестнице понял: она сказала это не просто так. Она знала, что он поедет. Знала, что это опасно. И всё равно отпустила — потому что понимала, что он должен. Как когда-то проводила на ту войну его деда.

Глава 2. Точка на карте

Струйка холодного пота, солёная и едкая, скатилась по виску Алексея и впиталась в грубую ткань балаклавы. Он лежал в большой и душистой куче пожухлой хвои и прошлогодней листвы, вжавшись в землю так, что казался еще одним валуном, поросшим бархатистым серозелёным мхом. Пахло влажной глиной, преющей древесиной и горьковатой смолой, выступившей на царапинах сосновой коры. А в ушах стоял оглушительный, но такой родной хаос звуков: сухой треск страйкбольных автоматов; свист шариков, рикошетиющих от шершавых стволов вековых сосен; и приглушенные, отрывистые команды, тонущие в гулкой акустике леса.

— «Вепрь», охват слева! Олег, отвлекай их по центру! — его собственный голос в рации прозвучал хрипло и приглушенно.

Обычно в эти моменты он чувствовал лишь чистый, кристальный восторг и огненный всплеск адреналина, выжигающий всё лишнее — будничные мысли, усталость, мелкие тревоги. Сознание сужалось до узкого, идеально чёткого тоннеля: мушка — целик — силуэт противника, мысленная траектория следующего шага. Это был своего рода катарсис, почти детская, но отточенная до автоматизма игра, где за поражение платили не болью и смертью, а лишь весёлыми синяками, а главной наградой была радость победы над достойным противником.

Но сегодня... сегодня всё было иначе. Что-то начало мучить его изнутри ещё утром, едва колёса их УАЗиков, шумя по мокрому асфальту, выехали за городскую черту. Не тревога, не предчувствие — скорее, тягучее, необъяснимое беспокойство. Словно невидимая, липкая паутина медленно опутывала сознание, её серая, влажная тяжесть давила на виски, мешая дышать полной грудью. Этот гнетущий осадок, непонятный и неуместный, никак не хотел растворяться в привычном, бодрящем предигровом возбуждении. «Просто устал, — пытался убедить себя Алексей. — Или осень. Осень всегда наводит на думы».

Последний «противник» — молодой парень из соперничающей команды, с перемазанным камуфляжной краской лицом — сдался, подняв над головой красную тряпку с театральным, но искренне-уставшим вздохом. Бой был выигран. Лес, секунду назад оглашавшийся пальбой, затих, затаил дыхание, и в наступившей тишине стал слышен лишь ветер, перешептывающийся с сосновыми вершинами где-то высоко в поднебесье. Тишина оказалась оглушающей, звенящей, и в ней даже был слышен стук его сердца.

— Все, бойцы, отбой! — крикнул Алексей, с усилием поднимаясь на ноги и отряхивая с колен прилипшие рыжие иголки, впившиеся в ткань. — Собрались у машин, перекурим и двинем назад!

Команда, двенадцать человек в потрёпанной, но любимой, пахнувшей потом, лесом и дымом камуфляжной форме, стала сходиться к обочине лесной дороги, где скромно жались два УАЗика-«буханки», похожие на уставших железных черепах. Воздух тут же наполнился сдавленным смехом, усталыми шутками и взаимными подначками — обычный ритуал после боевой разгрузки, сбрасывания накопленного напряжения.

Алексей отошел чуть в сторону, под сень огромной раскидистой ели, чьи лапы касались земли, образуя тёмно-зелёный шатёр. Достал алюминиевую флягу, открыл крышку и сделал большой глоток прохладной, почти ледяной воды. Она обжигала горло, прочищая сознание. Рука сама потянулась к нагрудному карману, где у самого сердца, под курткой, лежал его талисман — потрёпанная, пожелтевшая от времени и множества прикосновений фотография. Он вынул её, бережно придерживая ладонью.

На карточке, выцветшей до сепии, — молодой парень в пилотке и хорошо подогнанной гимнастике, с тремя аккуратными звёздочками на погонах.. Прямой, испытующий, знающий взгляд, высокие скулы, тень не то улыбки, не то усмешки в уголках плотно сжатых губ. Дед. Иван Волков. Пропал без вести где-то здесь, в этих же самых, бесконечных и молчаливых лесах

Карельского перешейка, осенью 44-го. Семья долгие годы ждала хоть какой-то весточки, цеплялась за призрачную надежду — а вдруг жив, вдруг в плену, вдруг потерял память. Не дождалась. Только присланная официальная похоронка, медаль «За отвагу», «Защитнику Ленинграда», да орден Красной звезды. И этот снимок, который бабушка передала ему. А теперь к этому добавился дневник. И карта.

Его размышления, такие привычные, прервал спокойный, ровный голос, который казалось не дрогнул бы даже под огнём.

— Командир, смотри.

К нему, не спеша, словно прогуливаясь, подошел Виктор, его заместитель и правая рука. Человек с лицом штабного аналитика, на котором редко можно было прочесть что-либо, кроме сосредоточенного, ледяного спокойствия. Сейчас он держал в руках планшет, и его обычно непроницаемые, серо-стального цвета глаза горели сдержанным, но узнаваемым для Алексея огнём — не азартом игрока, а холодным огнём исследователя, напавшего на единственно верный след. В его позе, в том, как он почти бесшумно ступал по хвое, была какая-то хищная, кошачья грация. Он не вышел из леса, он из него материализовался, — мелькнуло у Алексея.

— Что там? — закручивая крышку фляги, спросил Алексей, чувствуя, как в груди что-то сжимается в знакомый, тугой узел. Виктор никогда не беспокоил его по пустякам.

— На командную почту пришло сообщение от дяди Миши. Того самого, — Виктор сделал многозначительную, театральную паузу, изучая реакцию Алексея, — друга твоего отца. Точнее, сослуживца.

Алексей насторожился, как служебный пёс, услышавший звук команды. Михаил Семенович, старый друг семьи, отставной полковник с лицом, изрезанным шрамами и морщинами, чья жизнь была окутана легендами «афганской» и позднее «архивной» службы, был человеком-кремнем. Он не бросал слов на ветер, не терпел пустой болтовни, а его немногословные письма ценились дороже многостраничных докладов. Он не раз помогал команде с поиском информации по военным действиям в Карелии, именно к нему они и обратились с просьбой «привязать» карту из дневника к реальному месту.

— И что он пишет? — голос Алексея звучал ровнее, чем он ожидал.

— Пишет... что нашел кое-что. То, о чём мы его так долго и настойчиво просили, — Виктор говорил, отчеканивая слова, будто зачитывал доклад. — Ему удалось «привязать» кроки карты из дневника твоего деда к современной спутниковой карте. Пользуясь старыми связями, и новыми военными технологиями. Теперь мы знаем где это место. — Он протянул планшет, и Алексей заметил, как пальцы Виктора, обычно неподвижные, слегка подрагивают от сдерживаемого нетерпения. Не азарта. Нетерпения.

На экране, покрытом мелкой сеткой царапин, было открыто письмо. Короткое, сухое, как военная шифровка: «Алексей. Карта вложена в файл. Координаты, которые ты искал. То самое место оказалось не пустым — там находится законсервированная ещё в советское время военная часть, объект „Гранит“. Данные старые, актуальность не проверял. Будь осторожен. Места там глухие. Связь может не ловить. Если решитесь ехать — не лезьте в подвалы и шахты. Там нечего искать, кроме плесени и обвалов.» М.С.

И ниже, жирным, будто подчеркивая последнюю мысль: «Серьёзно, Лёша. Будь осторожен.»

Сердце Алексея дрогнуло и забилось чаще, отдаваясь глухими, тяжёлыми ударами в висках. Он пролистал письмо вниз дрожащим (он надеялся, что этого не видно) пальцем. Там был прикреплен файл. Отсканированная топографическая карта советских времён, испещрённая паутиной коричневых горизонталей и условными знаками, похожими на древние, забытые руны. И в самом центре одного из «белых пятен», затерянного в сетке просек и голубых

безымянных озёр, был аккуратно, с хирургической точностью обведен красным карандашом небольшой квадрат. Рядом — лаконичная, убористая пометка чернилами: «Об. „Гранит“».

«Точка». Объект «Гранит». И где-то там, под этими условными значками леса и болот, оборвался след его деда, лейтенанта Ивана Волкова.

— Вот чёрт... — прошептал Алексей, вглядываясь в пиксели, будто пытался силой воли разглядеть сквозь них самую тайну, пробиться сквозь цифровую карту к той, настоящей, промокшей от осенних дождей земле. — Нашел... Он действительно нашёл.

— Ну что, командир? — в голосе Виктора прозвучала та самая, знакомая по прошлым, самым авантюрным вылазкам, нотка. Но сейчас в его словах было меньше вопроса и больше — констатации. Констатации неизбежности. — Едем? Проверим легенды на прочность? Может, и про твоего деда что-то прояснится. Наконец-то.

Последнее слово повисло в воздухе между ними, тяжёлое и значимое. Наконец-то. Алексей медленно поднял глаза от планшета и окинул взглядом свою команду. Не группу товарищей по игре. Свой отряд. Своих людей, чьи жизни и доверие он нёс, как невидимый, но самый важный груз.

Ольга, его девушка, уже сняла шлем, и её светлые, цвета спелой пшеницы волосы, собранные в небрежный, но практичный хвост, сияли на редком, пробивающемся сквозь тучи солнце. Она вытирала оптику своей снайперской винтовки куском специальной салфетки из микрофибры, и на её лице, сосредоточенном и красивом в этой суровой простоте, играла довольная, чуть усталая улыбка — улыбка мастера, удовлетворённого своей работой. Рядом с ней, в тени фургона, прислонившись к холодному металлу, стоял Олег. Высокий, угловатый, с руками, слишком большими для его худощавого тела, он не сводил с Ольги взгляда, в котором смешивались немое восхищение и та безнадёжная, съедающая его изнутри нежность, которую он тщательно скрывал ото всех, думая, что это незаметно. Алексей знал о его чувствах — знал давно — и старался не замечать, потому что слишком уж неловко, слишком по-человечески больно было делить с товарищем не только поле боя, но и сокровенное пространство сердца. Олег был его другом и хорошим солдатом. И в этом была вся трагедия.

Маша, их радистка и, как она сама себя называла, «техническая фея», уже разбирала свою аппаратуру. Небольшая, юркая, с умными, живыми карими глазами, которые видели не только частоты, но и все подводные течения в отряде, она с лёгкой улыбкой что-то говорила Олегу. Но тот, погружённый в свои горькие мысли, лишь кивал, не слыша её. А взгляд Маши, обычно такой ясный, насмешливый и острый, в эти мгновения становился мягким, беззащитным и по-детски печальным. Ещё один тихий, никому не принадлежащий секрет, который Алексей случайно подметил и бережно хранил, как хранят чужое письмо.

У открытого багажника, кряхтя и бормоча что-то себе под нос, возился Касьян, по кличке «Борода». Здоровенный, добродушный великан с окладистой, уже тронутой проседью бородой, он был душой отряда и его главным техническим гением. Сейчас он, отложив в сторону мощные пассатижи, с неожиданной для таких лапищ нежностью поправлял хрупкий разъём в проводке страйкбольного «автомата», его большие, исчерченные мелкими шрамами пальцы двигались с ювелирной точностью. «Всё должно работать, как швейцарские часы, а иначе какой смысл?» — было его любимым присловьем.

Рядом, прислонившись к капоту «буханки» и сделавшись частью пейзажа, курил, выпуская ровные колечки дыма, Петр, «Папаша». Бывалый, прошедший «горячие точки», он был воплощением неброской, изнутри идущей надежности. Человек-скала, человек-молчание. Его спокойствие, его простой, бесхитростный и оттого невероятно точный взгляд на вещи часто служили якорем для всей команды, когда начинало штормить. Рядом с ним курили и смеялись Гном и Барс — тоже бывшие военные, нашедшие в страйкболе как бы продолжение своей службы. Сергей — ещё один «старый боец», с лицом, напоминающим высохший русский чер-

нозём, — пил из походной фляжки, и по тому, как он чуть зажмурился, было ясно: вода там была далеко не единственным компонентом.

А неподалёку, возбуждённо жестикулируя и перебивая друг друга, «Одуван» и «Чиж» — двое самых молодых бойцов, парочка неразлучных сорванцов — заливали друг другу за вчерашние промахи и строили грандиозные планы на будущие «подвиги». Им так отчаянно, до дрожи в коленках, хотелось доказать «старикам», что они не просто мальчишки, приехавшие поиграть в войнушку, а настоящие бойцы, на которых можно положиться. Алексей смотрел на них с внезапной, щемящей нежностью и тут же — с горечью.

— Эй, Борода, а шашлык сегодня будет? — крикнул Чиж, закидывая рюкзак в багажник. — Или придётся опять «доширак» заваривать?

— Будут и шашлыки, будут и песни, — буркнул Касьян, поправляя какую-то железку в моторе. — Если ты, конечно, не съешь всё сырым, пока я буду костёр делать.

— Я не такой, — возмутился Чиж, но Одуван уже заржал рядом:

— Ага, а кто в прошлый раз слопал полбанки тушёнки до того, как мы успели развести костёр?

— Я проверял, что она не просрочена!

Смех пронёсся по поляне, лёгкий, мальчишеский. Простые парни и девчонки. Хорошие, верные, смешные, иногда надоедливые ребята, приехавшие сюда за порцией адреналина, дружеским плечом, звонким смехом и славным воспоминанием о прошедшем дне, которым можно будет согреться долгой зимой. А он... а он теперь поведёт их... куда? На заброшенную, забытую богом и людьми базу, о которой в кругах сталкеров и любителей военной истории ходили смутные, обрывочные слухи как о «гиблом», «странном», «нехорошем» месте? Ради чего? Ради призрака прошлого, который даже костей после себя не оставил? Ради своей личной, почти маниакальной одержимости старой военной историей и взглядом с пожелтевшей фотографии?

Но прежде чем мысль успела оформиться в логичное, ответственное решение «нет, это безумие», внутри всё сжалось в тугую, горячий, болезненно-сладкий комок. Зов крови. Не метафора, а физическое ощущение — тяга, магнит, неумолимая потребность. Жажда докричаться сквозь толщу десятилетий, сквозь пласты опавшей хвои и слова забытых донесений, и услышать ответ. Узнать правду, которая молчала семьдесят с лишним лет, отравляя тишиной жизнь его бабушки, потом отца, а теперь и его. Правду о человеке, который смотрел на него с выцветшей бумаги, глядел прямо в душу, словно спрашивая: «Ну что, внук? Дорос?»

Алексей ещё раз посмотрел на фотографию. Молодой лейтенант, его дед, застывший в вечном ожидании. Вопрос, который преследовал Алексея всю его сознательную жизнь, сформулировался наконец ясно, без обиняков:

«Что же с тобой случилось там, в глубине этого леса? И зачем ты позвал меня именно туда?»

Он спрятал фотографию обратно в карман, прижал ладонью к груди, будто пытаясь согреть. Решение, тяжёлое и неотвратимое, как осенний дождь, уже созрело в нём, прежде чем он открыл рот.

А ветер в кронах вековых сосен, подхватив его немой вопрос, завыл чуть громче и протяжнее, будто вбирая в себя все голоса прошлого, чтобы донести их в будущее.

Глава 3. Лес, что помнит всё

(1944 год, Северное Приладожье.)

Лес впитывал его, как прожжённая кислотами губка — вбирая в себя запах пороха, меди, крови и того едкого, животного страха, что не выветрился даже спустя неделю. Старший лейтенант Иван Волков шёл, почти не чувствуя ног, которые отяжелели, превратившись в два неподъёмных чурбака. Он продирался сквозь частокол чахлах, кривых, тёмных елей и сплошной бурелом, что раз за разом стеной вставал перед ним. Каждый выдох вырывался из него молочно-белым облачком, чтобы тут же слиться с сырым, белёсым туманом, поднимающимся с чёрных, бездонных болот по краям тропы. Сентябрь 1944-го на Карельском перешейке выдался на удивление несправедливо холодным.

Из окружения под Тали-Ихантала он вырвался чудом. Чудом, телом товарища, прикрывшим его собой от взрыва, и слепым животным инстинктом, заглушившим на время голос разума. Из всего дивизиона — он один. В ушах, под слоем звенящей тишины, до сих пор стоял оглушительный грохот «катюш» и методичный, разрывающий землю рев вражьих «артиштурмов». А перед глазами — не лица, а почерневшие от гари маски товарищей, последние гримасы ужаса и решимости, застывшие в дыму. Теперь он был не лейтенантом — артиллеристом, а просто ходячей раной с личным ТТ в потёртой кобуре и тремя патронами к нему (четвёртый он припас для себя, о чём старался не думать) и комком мокрого, слипшегося табака в кармане. Цель была одна, простая и невыполнимая, как молитва: выйти к своим. Хотя бы умереть среди своих.

Его нашли через неделю, когда он, споткнувшись о корень, уже не смог подняться и просто лежал, глядя в серое, безучастное небо сквозь редкие еловые ветки. Нашли не регулярные части, а партизаны. Вышли бесшумно, словно выросли из самой земли, из мха и тени, в пропотевших, выцветших до серости ватниках и с длинноствольными пехотными «трёхлинейками» наперевес. Осмотрели его, как волки — затравленного, раненого волка из чужой стаи: без жалости, но с холодным, профессиональным интересом. Не сказав ни слова, взяв под мышки, повели за собой. Иван, покорный, брел, спотыкаясь, не в силах даже спросить, куда.

Лагерь отряда «Смерч» был обустроен с той хитрой, неброской простотой, что была дороже любой книжной фортификации. Невидимый. С воздуха — просто холм, поросший ёлками. С земли — непроходимая чащоба. Несколько низких, приземистых землянок, искусно вписанных в сырой склон, были замаскированы набросанным сверху лапником так, что сливались с лесным рельефом. В центральной, самой большой, тлел в глубокой, обложенной камнями яме костерок — чтобы не виден был дым, только тепло, уходящее в землю. В лагере пахло дымом, влажной землёй, варёной крупой и немытым телом — запах жизни, упрямо цепляющейся за эту гниющую почву.

— Командир там, — один из проводников, мужчина с лицом, скрытым глубоким капюшоном, кивнул на низкорослого, коренастого человека, сидевшего на чурбаке и чинившего сапог шилом. Человек был похож на старый, морёный дубовый пень — такой же крепкий, узловатый, с кожей, потрескавшейся от ветра и мороза.

Он поднял голову, представился совсем не по-военному — Мирон Степаныч. У него были умные, прищуренные глаза, которые казались слишком светлыми для этого тёмного лица — глаза, видевшие не только то, что перед ними, но и то, что за спиной, и то, что может случиться через час.

Он оценивающе, медленно, оглядел Ивана с ног до головы, задержавшись на офицерских погонах, на портупее, на прямых, несмотря на усталость, плечах.

— Лейтенант? Артиллерист, — не спросил, а констатировал Мирон Степаныч, и Иван понял, что командир смотрел не на лицо, а на его руки. На пальцы, привыкшие к настройке орудийного прицела и записям в тактическом планшете. — Из-под Иханталы?

— Так точно, — голос Ивана скрипел, как несмазанная железка, от долгого молчания и выпитой болотной воды. — Старший лейтенант Волков. — поправился он по привычке, но тут же махнул на это рукой. Звание здесь ничего не значило.

— Ну, *старший лейтенант Волков*, тут тебе не батарея, — командир хмыкнул, но в его хмыкании не было насмешки, лишь суровая констатация факта. — Порядки простые: слушайся, не шуми, патроны зря не трать. Фрицы и финны хоть и откатываются, но зачистку ведут. Шныряют, как крысы. Да не только они... — Он как-то странно, исподлобья, посмотрел в чашу, будто там, за стеной стволов, стоял не лес, а кто-то другой. — Аэродрома у нас нет, самолёты не летают. Будет возможность — выведем к своим, на «большую землю». А пока принимаем тебя в партизаны. Побудешь в нашем отряде. Если, конечно, нервы выдержат. — И он протянул Ивану закопчённый котелок, из которого валил густой, мясной пар.

Иван кивнул, не в силах выдать больше ни слова. Он схватил котелок дрожащими руками и с жадностью, обжигаясь, стал глотать горячую еду. Это была не просто похлёбка, а нечто густое, наваристое, с кусками тушенки и перловкой — пища богов. Пока он ел, чувствуя, как тепло растекается по заочеченевшему телу, его представили отряду.

Всего человек пятнадцать. Не солдаты, а тени в шинелях. Бывалые, замкнутые, с лицами, на которых усталость и горе вырезали морщины глубже, чем годы.

Григорий — политрук. Не молодой идеалист, а сухой, поджарый мужчина лет сорока, в очках с дужкой, заклеенной пластырем. Взгляд умный, пронзительный.

Катя — санинструктор. Худая, как жердь, женщина с твёрдым, каменным взглядом и руками, которые, как Иван тут же заметил, были идеально чистыми вопреки всему. В её сумке бинты, йод и безысходность.

Сашка, он же «Воробей» — молодой пацан, лет восемнадцати, с огромными, испуганными глазами и пушком на щеках. Смотрел на Ивана с немим обожанием — офицер с фронта!

Пулемётчик «Медведь» — на самом деле габаритами и впрямь напоминал медведя, вставшего на задние лапы. Молчаливый, его присутствие ощущалось физически, как давление атмосферы.

И два «почти деда». Ефим — охотник, до войны промышлявший в этих лесах. Весь какой-то скрюченный, с цепкими пальцами и носом, вечно всхрапывающим, будто вынюхивающим ветер. И Эрнест — старый финн-проводник, из «красных финнов», с лицом, испещрённым морщинами, как старая карта. Молчаливый, как рыба, он сидел в сторонке, неспешноковыряя ножом кусок дерева. Его глаза, светлые, почти прозрачные, видели всё, но ничего не выдавали.

Первую ночь Иван спал как убитый, согретый теплом землянки, уставший до потери пульса, до потери самого себя. А наутро, едва серое, безрадостное солнце попыталось просочиться сквозь хвойный полог, *началось*.

Вернулась два бойца, посланные на разведку к старой, давно забытой лесной дороге. Один — сапёр Коля, мужчина с умными, усталыми глазами инженера, был бледен, как снег. Второй, помоложе, просто трясся мелкой, неконтролируемой дрожью, будто в лихорадке.

— Петров пропал. С концами, — коротко, отрывисто доложил Коля Мирону Степанычу, но смотрел при этом куда-то в сторону, мимо командира, в глубь леса, словно и там не видел ответа.

— Как пропал? — нахмурился Мирон Степаныч, отложив в сторону котелок. В его голосе уже не было обычной уверенности.

— А так. Он отошёл на рассвете... по нужде. Шагов на двадцать, не больше. Крикнули — молчит. Пошли посмотреть — никого. Следов... — Коля замялся, — следов нет. Трава сначала примята, а потом — всё. Как сквозь землю провалился.

Над лагерем повисла тягучая, густая, неловкая тишина. Все перестали жевать, перестали двигаться. Пропасть в двух шагах от дороги, в тихом, казалось бы, проверенном лесу? Это нарушало все неписанные законы выживания здесь.

— Может, фрицы? — предположил Иван, и его собственный голос прозвучал неестественно громко в этой тишине. Он всё ещё мыслил категориями линии фронта: враг, засада, плен.

— Фрицы шумят, как слоны в посудной лавке, — мрачно, не оборачиваясь, ответил второй партизан. Он не смотрел на Ивана, а вглядывался в лес, будто пытался увидеть то, что ускользнуло от глаз сапёра. — Стучат каблуками, ломают сучья, говорят громко. Оставляют следы. А это... тихо. Слишком тихо. Как будто его и не было.

Вечером того же дня, когда солнце, как раскалённый шар, проваливалось за горизонт, окрашивая верхушки сосен в цвет запёкшейся крови, Иван, проверяя посты, услышал ЭТО.

Не взрыв, не выстрел, не крик. Глухой, низкочастотный гул, исходящий не из одной точки, а будто из самой земли, из-под ног, наполняющий всё пространство. Звук был таким, что он почувствовал его не столько ушами, сколько костями, внутренностями, зубами. От него заложило уши, и старые, едва затянувшиеся раны на боку и плече заныли тупой, назойливой болью, будто в них снова впились осколки. Он замер, вжавшись спиной в шершавый ствол сосны, вглядываясь в багровеющую, ползучую мглу леса. Ничего. Ни движения, ни тени. Только ели, словно застывшие, безмолвные великаны, наблюдали за ним с немым, древним безразличием.

Вернувшись в лагерь, с трясущимися от напряжения (а может, от холода?) руками, он спросил о гуле. Партизаны, сидевшие у огня, переглянулись. Молча, быстро. Между ними пробежала невидимая искра понимания, от которой стало ещё холоднее.

— Это «карельский бог сердает», — усмехнулся Ефим из темноты, но усмешка была кривой, вымученной, лишённой всякой радости. Словно обязательная отмазка.

— Лес гудит, лейтенант, — без эмоций, глядя прямо на Ивана, сказал Мирон Степаныч. Его лицо в свете пламени было похоже на каменное изваяние. — Бывает. То ли ветер в пещерах, то ли вода под землёй льётся. Не обращай внимания. Места тут такие.

Но Иван видел — другие обращают. Все обращают. Старый финн Эрнест, услышав вопрос, даже не вздрогнул. Он лишь медленно, торжественно, как бы совершая ритуал, перекрестился странным, не христианским крестом: провёл сжатыми вместе пальцами ото лба к груди, затем от левого плеча к правому. И что-то, очень тихо, пробормотал на своём гортанном, певучем языке. В его светлых, выцветших глазах читался не страх, а нечто большее — древнее, глубинное, животное знание. Предостережение. Тут Иван понял и другую вещь: партизаны относились к нему, кадровому офицеру, с подчёркнутым, даже показным уважением, но и с глухой, неистребимой долей недоверия. Он был свой по форме, но чужой по сути. Он был из другого мира — мира приказов, карт и открытого боя. Их мир был миром тишины, следов и необъяснимых исчезновений.

Ночью Иван дежурил с «Воробьём» на восточном рубеже. Пацан, не выдержав тягостного, давящего молчания, которое, казалось, усиливалось с каждой минутой, прошептал так тихо, что слова почти терялись в шелесте хвои: — Говорят, лейтенант... тут ещё с гражданской войны люди пропадали. Целиком роты. Белые, красные — без разбора. Без следа. Не в бою... Они сами. Лес их забирает. Иногда возвращает. Но... не всех. И не такими, какими забрал.

Иван, собравшись, уже открыл рот, чтобы резко, по-офицерски, отругать его за паникёрство, за разложение боевого духа. Но слова застряли в горле. Он не стал. Потому что и сам чувствовал кожей, спиной, затылком — этот лес не просто скопление деревьев, болот и зве-

рей. Он живой. И он наблюдает. И в его древней, безразличной, непостижимой мощи таилось нечто, что было страшнее любого, даже самого отборного врага с винтовкой «Маузер». Нечто, для чего не было уставов, наставлений и артиллерийских таблиц.

Он посмотрел на тлеющие, кроваво-красные угли костра в центре лагеря, на тёмный, неподвижный силуэт часового на другом конце. И впервые, с беспощадной ясностью подумал, что то окружение, тот ад под Иханталой — это, возможно, была не самая большая его беда. Самая большая, возможно, только ждала его здесь, в этом бездонном, безмолвном, мрачном чреве леса. И деваться от неё было некуда.

Глава 4. Жребий брошен

За низкими, заляпанными грязью окнами ангара медленно, неотвратно ползли свинцовые тучи, срастаясь в единое унылое полотно. Они предвещали не просто дождь, а долгий, тоскливый осенний ливень, который вымоет все краски из мира. Но внутри штаб-квартиры «Вепря» — просторного, пропахшего машинным маслом, пылью и потом ангара — царила иная атмосфера. Воздух здесь был электрически заряженным, гудящим от низкого гула голосов и сдерживаемого возбуждения. Витал в нём в этот вечер не привычный предигровой азарт, а нечто более острое, редкое и опасное. Тайна. Она входила в лёгкие вместе с пылью, щекотала нервы.

Алексей стоял перед своим отрядом, спиной к огромной, ещё советской карте Карельского перешейка, висящей на стене. Перед ним на верстаке, заваленном разобранными страйкбольными «стволами», пружинками, шестерёнками и банками с силиконовой смазкой, лежали две бесценные реликвии, выглядевшие здесь, среди высоких китайских технологий игрового оружия, пришельцами из иного, древнего и куда более жёсткого мира.

Потрёпанный полевой дневник в картонной обложке цвета болотной тины. И — аккуратно развёрнутая, почти прозрачная от старости карта на папиросной бумаге. Рядом с ними его планшет с открытым письмом от «дяди Миши» казался просто современной игрушкой.

Все двенадцать человек команды, от бывалых ветеранов до зелёных новичков, замерли, образуя полукруг. Тишина наступила не мгновенно — она осела, вытеснив шум, как вода вытесняет воздух из тонущей лодки.

— Итак, братья по оружию, — начал Алексей, и его голос, обычно такой уверенный в бою, прозвучал чуть натянуто. Он сознавал важность момента. — Забудьте про захват «штаба» у «Синих». Забудьте про страйкбольную тактику и шары в пятую точку со ста метров. Я предлагаю вам не обычный выезд на игру, а специфическую миссию.

Он обвёл взглядом команду, узнавая в знакомых лицах отблески любопытства, скепсиса, ожидания.

— Это, — Алексей положил ладонь на шершавую обложку дневника, и под пальцами будто зашевелилась сама история, — дневник моего деда. Лейтенант-артиллерист Иван Волков пропал без вести в сорок четвёртом. И я, — он повернулся и ткнул указательным пальцем в точку на большой карте, в глухой квадрат лесов и болот к северу от Ладogi, — практически знаю, где именно. Здесь.

Он кратко, опуская самые бредовые, на первый взгляд, детали, пересказал суть: партизанский отряд, преследование спецгруппы немцев из «Аненербе», странные намёки на «место силы» и, наконец, карта с роковой надписью. А потом — сообщение от «дяди Миши» и координаты объекта «Гранит».

— Зброшенная военная часть? Серьёзно? — первым нарушил молчание Касьян, «Борода», главный техник и ходячая энциклопедия военной истории. Он сдвинул на затылок кепку с потёртой нашивкой «Вепрь», и его добродушное, обветренное лицо стало серьёзным. — Я что-то не припоминаю задокументированных объектов в той глухомани. Там кроме медведей, гнуса да, с большой натяжкой, пары полуразрушенных финских ДОТов, ничего и быть не должно. Данные надо бы перепроверить по всем архивам.

— Вот и я о том же, — кивнул Алексей, ценя его осторожность. — Но карта есть. И отметка «дяди Миши» сходится с этой точкой. Предлагаю вместо обычной страйкбольной тренировки — экспедицию. На три дня. С полным снаряжением, будто в настоящий военный выход. Обследуем местность, найдём, что осталось от части, и... — он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание, — может, найдём и следы того, что случилось с моим дедом. Окончательно закроем эту страницу.

Реакция была живой, разношёрстной, как и сама команда.

— Обалдеть! Настоящее приключение! — восторженно выдохнул самый молодой, худощавый «Чиж». Его напарник, «Одуван», со светлыми, вечно торчащими вихрами, сиял рядом, уже мысленно примеряя лавры первооткрывателя. — Мы найдём секретный бункер! Может, там оружие, техника... Мы будем как настоящие сталкеры! — Для них, юных и жаждущих признания, это был шанс не просто поиграть, а совершить нечто значимое, разом доказать свою ценность «старикам».

— Объект там и впрямь есть? — озадаченно почесал затылок Сергей, ещё один «старый боец» с простым, открытым лицом и руками, привыкшими к железу. — Странно это. Надо бы подготовку тщательную провести, карты свежие достать, экипировку всю перебрать. Болота там, говорят, гиблые... К военной базе должна вести бетонка или даже ветка железной дороги. — Его практичный, инженерный ум требовал ясности, чертежей и плана, а не романтических тайн.

— Главное — чтобы вместе ходили и никто не терялся, — вставил свой голосок упитанный и добродушный Михаил «Гном», вечный миротворец. Он бросил взгляд на Петра, самого старшего и молчаливого бойца, который стоял, скрестив руки, и лишь стоически кивнул в ответ, его взгляд был тёмным и нечитаемым. — А то опять, как в прошлый раз, Сергей с Иваном начнут спорить о тактике... Давайте без конфликтов, а? — Он улыбнулся, пытаясь заранее погасить возможные трения, но в его глазах читалась лёгкая тревога.

Сам Иван «Барс», упёртый и идеалистичный до фанатизма, тут же насторожился, словно услышал не ту ноту. — Если там и правда был секретный объект, это дело государственной важности! — заявил он, выпрямившись, и в его голосе зазвенели знакомые Алексею прописные истины. — Надо будет сообщить куда следует! В соответствующие органы! Мы не имеем права...

— Сначала найдём, потом решим, что важно и куда сообщать, — с не допускающей возражений с твёрдостью парировал Алексей, чувствуя, как привычная, «страйкбольно-игровая» динамика обсуждения начинает съезжать в непредсказуемую сторону.

Самый тихий из них, Олег, лишь молча кивнул, его взгляд скользнул по лицам, на секунду дольше, чем следовало, задержавшись на Ольге. Девушка-снайпер стояла чуть поодаль, прислонившись к стеллажу с касками и разгрузками, и в её спокойном, внимательном взгляде читалась безоговорочная поддержка. Она поймала взгляд Алексея и чуть заметно, только для него, поднялись уголки её губ — не улыбка, а знак: «Я с тобой». Олег опустил глаза, сжав кулаки так, что костяшки побелели, и снова погрузился в свою немую, горькую муку.

А у стола с инструментами, не глядя на всех, копалась в разобранной рации Маша, их «фея радиоэфира». — А связь там есть? Или опять в режиме «голубиной почты» работать будем? — спросила она, и её взгляд, острый и цепкий, беспокойно скользнул по профилю Олега, прежде чем вернуться к микросхемам. — Если объект заброшенный и в лесу, то мобильной связи скорее всего не будет. И со спутниками могут быть проблемы — леса, холмы... Так что обязательно подготовить рации и запасные аккумуляторы для всех...

— И подготовим спутниковый телефон на крайний случай, — ответил Алексей, но эта мысль кольнула его. Крайний случай... А что будет этим «крайним случаем»?

Именно тогда, будто дождавшись своего выхода, в разговор вступил заместитель командира Виктор. До этого он не просто молчал — он как будто отсутствовал, стоя в глубокой тени, его фигура сливалась со старыми железными стеллажами. Когда шум утих, он медленно, без малейшей суеты, подошёл к верстаку. Он не смотрел на Алексея, не смотрел на команду. Его взгляд, холодный и пристальный, как луч лазерного дальномера, был прикован к маленькому, пожелтевшему клочку папиросной бумаги.

— Можно? — его голос был низким, ровным, уверенным. В нём не было ни единой эмоциональной вибрации, лишь абсолютная, почти механическая нейтральность.

Алексей, почувствовав внезапный холодок под ложечкой, кивнул. Виктор взял карту с такой осторожностью, будто это была не бумага, а осколок радиоактивного металла или священная плащаница. Его пальцы, покрытые мелкими белыми шрамами — следами работы с металлом, химикатами или чем-то ещё — медленно и методично провели по линиям, по едва видимой звёздочке, по выцветшей, но от того не менее жуткой надписи: «Здесь ничего нет. Иди прочь.»

В ангаре стало так тихо, что слышно было, как за окном зашуршали первые редкие капли дождя по жестяной крыше.

— Интересная прорисовка, — произнёс Виктор, не глядя ни на кого, его голос был безразлично-констатирующим, как голос судмедэксперта. — Ориентация по сторонам света точная, сделана по компасу, не «на глазок». Масштаб... примерный, но выдержан. Это не бред сумасшедшего или горячечный рисунок. Это карта человека, который знал, что делает. И который пытался предупредить.

Команда замерла, прислушиваясь. Мнение Виктора, начальника штаба команды, этого молчаливого стратега, всегда было весомым. Он был тем, кто доставал невозможное, чьи планы срабатывали, чьё снаряжение не подводило. Его авторитет зиждился не на громких словах, а на безупречном результате.

— Ты говоришь, немцы шли к этому «месту силы»? — наконец Виктор поднял глаза на Алексея. Его взгляд был холодным, аналитичным, абсолютно лишённым какого-либо личного интереса или азарта. В нём читался только расчёт. — Их группа «Аненербе». Окультисты. Исследователи эзотерического бреда.

— В дневнике упоминается именно так, — подтвердил Алексей, чувствуя, как под этим взглядом его личная боль превращается в некий абстрактный «кейс».

— Твой дед написал «Аненербе», — Виктор повторил слово, не моргнув, без тени насмешки или удивления, просто как факт, вводящий новые переменные в уравнение. — Но в то время почти никто не знал про такое ведомство. Это сейчас название у всех на слуху, после разных книг и фильмов. Значит он реально услышал это слово от кого-то. Фашисты много чего искали в тех краях. И не просто так, от скуки. У них были ресурсы, информация, доступ к архивам, которые мы, возможно, до сих пор не раскопали. — Он снова посмотрел на карту, и его взгляд, казалось, просверливал бумагу насквозь, видя не линии, а нечто под ними. — Эта вылазка... Алексей, это не поиски дедушкиного блиндажа или гильзы от его винтовки. Ты это понимаешь?

Вопрос повис в воздухе, острый и неудобный.

— Что ты хочешь сказать, Витя? — насторожился Алексей, ощущая, как почва уходит из-под ног.

— Я хочу сказать, что если там действительно есть заброшенный объект, о котором нет данных в открытых источниках, который был законсервирован — обрати внимание на слово, не «заброшен», а именно «законсервирован» — ещё в советское время... то он может представлять... — Виктор сделал небольшую, едва заметную паузу, подбирая не просто слово, а правильную формулировку, — определённый, возможно даже стратегический интерес. Не для страйкбола. Для истории. Для понимания того, с чем мы на самом деле имели дело в той войне. И с чем, возможно, имеем дело до сих пор.

Его спокойный, отстранённый, бесстрастный тон звучал куда убедительнее любой пафосной или патриотической речи. Он апеллировал не к эмоциям, а к разуму, к любопытству, к тому самому «интересу», который уже зажегся в глазах у «Бороды» и даже у скептика Сергея.

— Мы просто исследуем его, — твёрдо, почти упрямо повторил Алексей, чувствуя, что теряет контроль над повесткой. — Как команда. Как друзья. Чтобы найти ответы на мои вопросы.

— Безусловно, — Виктор оторвал взгляд от карты и наконец перевёл его на собравшихся. Его лицо по-прежнему оставалось непроницаемой, отполированной маской. Но в глубине глаз, на долю секунды, будто вспыхнула крошечная, холодная искра. Не фанатизма, не азарта. Скорее... интенсивной, всепоглощающей концентрации. Как у шахматиста, увидевшего путь к мату за шесть ходов. — Но если мы найдём там то, что ищем... это может дать ответы на многие вопросы. Не только о твоём деде. И если мы найдём то, что ищем... это может перевернуть всё. Показать всем, кто сомневается, на что мы ещё способны. На что всегда была способна Россия — не проигрывать, а находить силу даже в самой тёмной ночи.

Последние слова он произнёс чуть тише, но оттого они прозвучали ещё весомее, упав в тишину, как камни в воду. Он положил карту обратно на верстак с неестественной, почти церемониальной аккуратностью, будто совершал ритуал.

— Я считаю, что надо ехать, — заключил он уже обычным, деловым тоном. — Я беру на себя подготовку снаряжения и детальную проработку маршрута. У меня есть... кое-какие топографические наработки по той местности. И связь. Спутниковый телефон я обеспечу. Только мне нужна неделя. Ровно.

В его словах не было просьбы. Это был доклад о намерениях.

Пётр молчал всё это время, но когда Виктор сказал, что обеспечит связь и карты, он поднял на него тяжёлый, изучающий взгляд.

— А ты, Витя, как-то слишком серьезно готовишься, — сказал он ровно, без улыбки. — Будто знаешь что-то ещё.

Виктор на мгновение замер, но тут же улыбнулся — той самой холодной, отстранённой улыбкой.

— Надо было просто хоть раз в жизни пойти в поход с нормальным снаряжением, а не с гранатами для страйкбола, — ответил он. — Я просто люблю всё планировать.

Пётр ничего не сказал, но Алексей заметил, как его пальцы сжались в кулак, а потом разжались.

— Решено, — после тяжёлой паузы кивнул Алексей, заглушая рой сомнений, поднявшийся у него внутри. — Готовимся. Раз место далёкое и дикое — берём с собой не страйкбольные автоматы, а настоящие ружья и патроны. Чтоб медведей не бояться и вообще... — он запнулся, — и вообще никого не бояться. Выезжаем в следующую пятницу на рассвете.

Команда снова оживилась, засыпав его и Виктора вопросами про экипировку, рационы, маршрут.

— Борода, а ты точно взял лопату? Или мы опять будем ветками копать? — спросил Сергей, перебирая свои инструменты.

— Взял, взял, — отмахнулся Касьян. — И даже не одну. Одну — копать, вторую — если ты её потеряешь, как в прошлый раз.

— Я не терял! Я её в кустах оставил, чтобы не таскать!

— Ага, и мы её потом два часа искали. Лучше бы таскал.

Чиж прыснул, а Одуван уже открывал рот, чтобы подколоть Сергея, но Алексей уже почти не слушал. Он наблюдал, как Виктор, отошедший в сторону, снова разглядывает карту, теперь уже на экране планшета, водя по ней указательным пальцем и замерши, словно мысленно просчитывая не логистику перехода, а нечто гораздо более важное и далёкое. Словно видел в этих линиях не память о прошлом, а ключ к будущему. К чему именно?

И в этот момент Алексей с леденящей ясностью вспомнил слова бабушки, сказанные ей на пороге: «Будь осторожен, внучек. Леса те... они помнят всё. И не только звери в них таятся. И не всех они назад отпускают»

Теперь он понимал, что предупреждение, возможно, относилось не только к лесу.

А за окном ангара дождь, наконец, хлынул по-настоящему, застилая мир серой, непроглядной пеленой, будто стирая границу между прошлым и настоящим, между игрой и той страшной, безжалостной реальностью, что ждала их впереди.

Глава 5. Незванные гости (1944)

Сырой, пропитанный запахом гнилой хвои и влажной земли воздух обжигал лёгкие на вдохе, оставляя на языке привкус железа и старой боли. Старший лейтенант Иван Волков лежал под корнем вывороченной бурей сосны, вжимаясь в упругий, холодный серо-зелёный мох, и заставлял себя дышать тихо, дробно, по-волчьи. Каждая ветка, каждый сучок впивались в тело, напоминая о ранах, ещё не затянувшихся после выхода из огненного мешка под Тали-Ихан-тола. Рядом, прикрываясь толстенным, поросшим лишайником стволом, замер командир партизанского отряда «Смерч» — Мирон Степаныч. Его лицо, обветренное и жёсткое, было неподвижной маской; только глаза — узкие, цвета тёмной стали — методично сканировали просеку внизу, словно пытаясь прочесть в лесном полумраке невидимый шрифт угрозы.

Тишина в лесу была не просто отсутствием звука. Она была звенящей, натянутой, как струна перед тем как порваться. Ни писка птиц, ни шороха зверья — всё живое попряталось, почуяв незваных гостей. Даже комары, вечные спутники карельского лета, куда-то исчезли. Мир замер, и в этой мертвой паузе было слышно лишь редкие капли, падающие с веток, да собственное неровное сердцебиение, отдававшееся в висках глухими ударами.

Иван сглотнул комок в горле, и вытер тряпичей солёный пот со лба. От того ада, от гибели его батареи под шквальным огнем финнов, прошло чуть меньше месяца. Война, которую он знал — открытая, с ревом моторов, воем «катюш» и грохотом разрывающихся снарядов, — осталась там, на изрытом воронками поле. Здесь же война была другая. Тихая, вязкая, пахнущая сыростью и медленной, смотрящей на них из-за каждого дерева смертью.

— Видишь? — тихо, одними губами, прошептал Мирон Степаныч, и его шёпот в гнетущей тишине прозвучал для Ивана оглушительно громко.

Иван кивнул, снова затаив дыхание. Внизу, по старой, давно заброшенной лесовозной дороге, едва угадывающейся под ковром хвои и папоротников, двигались люди. Неслышными, призрачными тенями скользили они меж стволов. Их камуфляжные плащи-цельтбаны сливались с пятнами света и тени, создавая иллюзию движущегося, перетекающего мха. Это были не обычные немецкие пехотинцы, сторбленные под грузом ранцев и последних лет войны. Эти шли легко, пружинисто, почти по-кошачьи, плавно и целеустремлённо. Новейшие автоматы «Штурмгевер» в руках, специальное снаряжение, обмятые горные кепи вместо стальных касок, У-образные портупей, на которых не звенело ни единой железки. Холодный, профессиональный расчет чувствовался в каждом движении.

«Как охотники. Но не на оленей,» — промелькнуло в голове у Ивана.

Он, заставив себя дышать ровно и глубоко, насчитал пятнадцать человек. Они не переговаривались, их действия были уверенными и синхронными, будто они управлялись единой нервной системой. Двое шли в головном дозоре, их головы плавно поворачивались, а взгляды, холодные и сканирующие, методично прочёсывали каждый куст, каждую тень, каждый валун. В центре группы трое несли странные, продолговатые, тёмные футляры, похожие на кейсы для хирургических инструментов или научной аппаратуры.

— Диверсанты? Разведгруппа? — едва слышно выдохнул Иван. — Но что-то она слишком... особенная.

— «Эдельвейс», — мрачно, сквозь стиснутые зубы, бросил Мирон Степаныч. — Заметил знаки на кепи? Горные егеря. Элита Гитлера. Лучшие стрелки, следопыты и убийцы. И что занесло их, чёртовых альпинистов, с ихних скал в наши карельские топи...

Вопрос повис в сыром воздухе. Немцы шли не на восток, к линии фронта, а на северо-запад, в самую глухомань, куда, казалось, не ступала нога человека. Туда, где на засаленной, истрепанной по краям карте у Мирона Степаныча было лишь большое зелёное пятно и одна пометка — «Не обследовано». И старые, как эти холмы, карельские легенды о «тихих местах».

— Не просто разведка, — прошептал Иван, чувствуя, как по спине ползет ледяная тяжесть, не имеющая ничего общего со страхом перед пулемётной очередью. — Смотрите на того, в центре.

Тот, на кого он указал, шёл чуть впереди других, не неся никакого груза. Высокий, сухопарый, в безупречной офицерской полевой форме, но без каких-либо знаков различия. Его лицо, с тонкими, жёсткими, будто высеченными из известняка чертами, было обращено вперёд, к цели, которую он, казалось, видел сквозь километры чащи. В его руке был не планшет или карта, а странный, отливающий тусклой латуной предмет, похожий на маятник или старинный навигационный прибор. Он смотрел на его качающуюся часть, а не на компас.

— Колдун, блин, какой-то, — хрипло, с суеверным ужасом, выдохнул молодой партизан Сашка, лежавший чуть поодаль.

Мирон Степаныч медленно, словно боясь спугнуть невидимую дичь, повернул голову к Ивану. Его глаза сузились до щелочек, в которых замерла холодная ярость.

— Видал? — в его шёпоте прозвучало не просто ненависть, а глубинное, инстинктивное отвращение, какое испытывают к ядовитой змее. — Не на передовую идут. В глубь своих же тылов. Цель у них... непонятная.

Иван несколько секунд молча смотрел, как последний егерь растворяется в зеленоватой мгле чащи, словно его поглотила сама земля. Артиллерийская, вышколенная логика подсказывала: неизвестная цель, неизвестное оружие, неизвестная тактика. Чистая, не просчитываемая опасность. Но что-то глубинное, почти животное, шептало ему, что пустить этих людей дальше — значит совершить ошибку, последствия которой будут страшнее любого артналёта. «А может быть именно для этого судьба сохранила меня в огненном мешке у станции Ихантала?» — пришла внезапная мысль. Он вспомнил тот подземный гул, от которого стыла кровь. Вспомнил пропавшего накануне Петрова. Вспомнил испуганные, растерянные глаза бывалых партизан, говоривших о «живом» лесе.

Когда последний силуэт немца растаял среди деревьев, Мирон Степаныч жестом разрешил подняться. Партизаны, замершие в неудобных позах, молча, как тени, выползли из укрытий. Тишина, которую теперь нарушали лишь их приглушённые движения, казалась ещё более зловещей, налитой незримым вниманием.

— Григорий, Эрнест — вперёд, на разведку следом. Тихо, как мыши. Остальные — ждать тут, — тихо, но чётко скомандовал Мирон.

Иван подошёл к тому месту, где стоял офицер с маятником. Земля была утоптана, но на первый взгляд ничего примечательного. И тут его взгляд, выхваченный каким-то внутренним импульсом, упал на небольшой блестящий предмет, полузасыпанный рыжей хвоей у самых корней сосны. Он наклонился и поднял его.

В ладонь лёг обломок. Размером меньше пачки папирос, невероятно тяжелый для своего объема и холодный, как лёд в феврале. Но это был не лёд. Металл. Тёмный, почти чёрный, с едва уловимым, мерцающим фиолетовым отливом, будто в него вкраплена растёртая в пыль ночь. Поверхность была идеально гладкой, без единой царапины или пятна окисла, словно отполированной до зеркального блеска, но при этом на ощупь она казалась... бархатистой, неестественно вязкой. Иван повертел его в руках. Ни следовковки, ни литья, ни винтов, ни заклёпок. Форма была странной, обтекаемой, с плавными, иррациональными изгибами — словно часть какого-то непостижимо сложного механизма, собранного для работы в условиях, немыслимых для человеческой техники.

— Что это? — подошёл Мирон Степаныч, с любопытством и недоверием глядя на находку.

— Не знаю, — честно ответил Иван, проводя подушечкой пальца по гладкой поверхности. Холодок от металла, казалось, проникал сквозь кожу, добираясь до костей. — Такого

сплава я не видел. И... он не нагревается. Совсем. Как будто вытащил его не из-под сосны, а из ледника.

Мирон взял обломок, взвесил на руке, постучал по нему ногтем большого пальца. Звук был глухим, неестественно коротким, словно волна колебания гасилась самой структурой материала.

— Не сталь, не чугун... Алюминий? Нет, тяжелее в разы... И гладкий, чёрт возьми. Словно не ковали, а лепили. Или выращивали.

К ним подошёл старый Ефим, в прошлом — охотник-промысловик. Его острые, привыкшие замечать мельчайшие детали глаза, увидев металл, округлились. В них вспыхнул не страх, а глубокое, первобытное отвращение.

— Брось, лейтенант! — почти вырвал он обломок из рук Ивана. — Это нечистое! От него... пустота тянется. — Он с отвращением повертел его и швырнул на землю. — Не наша это вещь. Не здешняя. Они её принесли... или нашли тут. И потеряли не случайно.

Иван, преодолевая внезапно нахлынувшее омерзение, снова поднял артефакт. Холод теперь ощущался явственнее, проникая в самое нутро. «Не здешняя». Слова Ефима, обычно трезвомыслящего и даже приземлённого, висели в воздухе тяжёлым грузом. Этот кусок металла был таким же чужим и необъяснимым, как и те немцы, что его обронили. Он был вещественным доказательством, осязаемым сгустком иной реальности, бросающим вызов всему, что Иван знал о войне и мире.

— Какую же цель в этих гиблых местах вообще можно найти? — не удержался он, сжимая в кармане гимнастёрки леденящий плоть обломок, спрашивая больше сам у себя.

— Не болото их манит, лейтенант, — мрачно, глядя в ту пустоту, куда ушли немцы, ответил Мирон Степаныч. Его голос стал тише, почти заговорщицким. — Манит то, что под ним. Или между. Красный финн, Эрнест, что у нас в отряде, слышал легенды... есть где-то тут одно место. Ещё до людей тут было. Капище, что ли, камни дивные стоят, не здешнего гранита. Говорили, место это силу имеет. Древнюю. Тёмную. Голодную. Что может спать, а может и проснуться.

Иван хотел было усмехнуться, отмахнуться от этой дремучей мистики. Но холод металла в его кармане был осязаем и реален. Он вспомнил безмолвие леса, неестественное поведение зверей, гул и пропавшего Петрова. Бред, казалось бы, нелепый бред, вдруг начал обрастать зловещей, металлической плотью.

— А что если они идут туда, — спросил Мирон Степаныч. — К этому месту. За ихней «силой». Той, что в камне. Или из-под камня.

Он помолчал, и в его застывшей, словно вырубленной из дуба позе, читалась вся тяжесть предстоящего выбора. Преследовать элитную, неизвестно чем вооружённую группу вглубь вражеского тыла — самоубийство. Но пустить их — возможно, хуже.

— Стоит ли их туда пускать? — наконец выдохнул он, переводя на Ивана свой тяжёлый, испытующий взгляд. В его глазах горела не только ненависть, но и ответственность. — Кто знает, какую дьявольскую машину они там раскрутят и на чью голову это обрушится... А может это всё сказки пустые, как думаешь?

Мирон Степаныч задавал вопрос, а сам молча смотрел в тёмный карельский лес.

— Ладно. Пойдём по пятам. Узнаем их цель. А там... видно будет. Готовься, лейтенант. Сейчас не в окопах да блиндажах сидеть будем. В пасть к чёрту полезем. Понимаешь?

Иван кивнул, сжав челюсти. Он чувствовал, как привычный мир артиллерийских расчётов, приказов и позиционных боёв окончательно рушился где-то далеко позади, оставаясь лишь горьким, но уже почти чужим воспоминанием. Его место заняла другая, таинственная и пугающая война, происходящая в гнетущей тишине древнего леса. Война не только за землю, но и за нечто, что могло оказаться страшнее самого смертоносного оружия. А в кармане его

гимнастёрки лежал безмолвный артефакт этой новой войны — холодный, тёмный и абсолютно чуждый осколок иного мира.

Глава 6. Дорога в прошлое

Два зелёных «Уазика», похожие на уставших, но упрямых железных жуков, медленно продирались сквозь чащу. Дорога, отмеченная на карте полувековой давности, становилась всё уже и тяжелее. Сначала кончился асфальт, затем рассыпались в щебень плиты старой военной бетонки, и теперь колёса вязли в рыжем месиве разбитой лесниками и временем грунтовок. Молодые ели и осины низкими ветками хлестали по ветровым стеклам, царапали краску, цеплялись за пороги и лебёдку, словно пытаясь остановить вторжение человека в этот дикий край.

Алексей, сидя на пассажирском сиденье командной «буханки», с наслаждением вдыхал воздух, полный запахами хвои, прелой листвы и влажных камней. За окном мелькал kaleidoscope осени: золотые кроны берёз, багряные островки осин, вечная, безмолвная зелень елей-часовых. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь разрывы в облаках, выхватывали из полумрака стволы-колонны, и мир казался бесконечным, диким, не тронутым рукой человека и потому — чистым.

— Красота-то какая! Душа прям расправляется! — выдохнул за рулём Касьян, он же «Борода», широко улыбаясь. — Вот это — выезд! Не то, что по полигону бегать!

В салоне «буханки» тоже царило приподнятое, почти мальчишеское возбуждение. Слышались приглушённые шутки, смех — эйфория от побега из города, от предвкушения «настоящего дела» захлестнула всех. Даже Виктор, серая Нива которого виднелась впереди, по рации выдавал редкие, чёткие реплики: «Яма справа, глубокая. Объезд.», «Держитесь левее, впереди болотина.» Они углублялись в территорию, где на современных цифровых картах висели пустые зелёные пятна с единственной меткой: «Смешанные леса I группы». Связь на смартфонах исчезла ещё у первого лесного кордона. Чиж тут же выдал в общий эфир: «Внимание, „Вепри“! Только что оставили позади территорию всемирного разума. Дальше — только медведи, лешие и наш нестигаемый командный дух!»

Алексей улыбался, но взгляд его был прикован к фотографии дедовой карты на планшете. Каждый поворот, каждое высохшее русло, каждый одинокий валун-ледовик — всё совпадало с выцветшими линиями. Они были на верном пути. Эта мысль согревала и одновременно сжимала рёбра холодным кольцом.

Внезапно двигатель головного «Уазика» *захрипел и зачихал*. Мощные такты мотора споткнулись, стали рваными, жалобными. «Борода» давил на газ, но отклика не было — лишь глухой, предсмертный стон, и тишина. Машина по инерции скатилась в колею и замерла, будто прислушиваясь к внезапно наступившей тишине леса.

— Э-э, народ? — озадаченно постучал «Борода» по приборной панели. — Движок, будь он неладен, встал. Тяги — ноль. Слово кто бензошланг пережал или воздух перекрыл.

Все высыпали наружу. Капот был открыт, но моторный отсек представал образцом порядка — «Борода» был фанатом своей техники. Ни дыма, ни запаха гари или бензина, ни потёков. Всё на месте, чисто, сухо и мёртво.

— Да что тут могло... — развёл руками механик, бессильно оглядывая агрегат. — Топливо есть, искра... есть, фильтр чистый... Предохранители целы. Он же только что работал!

К ним бесшумно подошёл Виктор. Он не стал лезть под капот. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по машине, по плотной стене леса впереди, по лицам ребят.

— Это же УАЗ, — сказал он ровно, без эмоций, констатируя факт. — Я предупреждал. В таких условиях выходят из строя реле, датчики, мозги. Мелочь, которую в полевых условиях не определишь.

— Вот так, на ровном месте? — не сдержался Алексей. В голове тут же всплыли строки из дневника деда: «...техника отказывает, будто чего боится...»

— На ровном? — Виктор чуть скривил губы в подобии улыбки. — Посмотри вокруг. Это не полигон. Лесная влага, перепады температур, вибрация. А может быть и геомагнитная аномалия. Я же говорил — нужно было брать современную технику, а не это музейное старьё. Эмоции — плохой советчик, командир.

Он указал вперед, где дорогу, как и предсказывал, намертво перекрывал завал из нескольких огромных, давно поваленных ветром сосен.

— Всё равно дальше пешком идти. Цепляем его к моей машине, оттаскиваем в кусты, маскируем. Брось пустые сомнения. На обратном пути разберёмся.

Команда, немного ошарашенная, засуетилась. Работа закипела — «Уазик» прицепили к «Ниве», оттащили в сторону, закидали лапником.

— Ну нет, я в прошлый раз нёс, — заявил Чиж, отодвигая котелок в сторону Одувана. — Теперь твоя очередь.

— Я нёс его, когда мы на Гатчину ездили! И вообще, у меня рюкзак тяжелее!

— А у меня палатка — мне тяжелее.

— Ребята, — вмешалась Ольга, не оборачиваясь, — если вы не перестанете спорить, я надену вам этот котелок на голову. Прямо вместе с остывшим чаем.

Чиж и Одуван переглянулись и одновременно ухмыльнулись. Спор был несерьёзным — он был их способом сбрасывать напряжение. Все это знали, но никто не говорил. Касьян, проходя мимо, молча забрал котелок и закинул себе в рюкзак, даже не посмотрев на них. Они оба замолчали — и тут же стало как-то пусто. Первоначальная эйфория пошла на спад, сменившись сосредоточенной деловитостью. Смех стал реже, голоса тише. Все словно невольно начали прислушиваться к лесу, который после смерти мотора обрёл новое, глубокое, всепоглощающее безмолвие.

Второй УАЗ поставили рядом, заглушили. И тогда тишина обрушилась на людей во всей своей мощи. Ни ветра, ни птиц. Даже собственное дыхание или треск сучка под ногой звучали нестерпимо громко. Воздух, ещё недавно пахнувший свободой, теперь казался странным и холодным.

Алексей отошёл в сторону, достал свой GPS-навигатор фирмы «Гармин», отличная тактическая модель. На экране упрямо мигал значок: «Поиск спутников». Не «нет сигнала», а бесконечный, тщетный поиск. Он поднял голову и увидел Виктора.

Тот стоял в отдалении, прислонившись к капоту своего серебристого джипа. В его руках была не копия, а оригинал карты из дневника деда, который Алексей, скрепя сердце, выдал ему утром «для точной прокладки маршрута». Виктор изучал её не как схему, а как священный текст. Его взгляд впивался в линии, в пометки, условные знаки, словно он пытался силой воли вырвать у пергамента тайну, которую тот не желал отдавать.

«Стратегический интерес...» — эхом отозвалось в памяти Алексея. И в этот миг, глядя на эту сосредоточенную, лишённую любопытства или трепета фигуру, он отчётливо понял: для Виктора это не поиск и не приключение. Это операция. Цель которой была ему, Алексею, до конца не ясна.

— Командир, все готовы! — доложил «Борода», закидывая на плечо огромный рюкзак. В его голосе снова звучала бодрость, но уже без прежней беззаботности. — Куда дальше?

Алексей кивнул, сунул мертвый навигатор в подсумок и подошёл к группе. Двенадцать человек в камуфляже, с полной боевой выкладкой. Двенадцать пар глаз, в которых теперь читалось не только ожидание, но и вопрос.

— Пошли, — скомандовал он тихим голосом, не решившись нарушить тишину леса. — Внимание по сторонам. Держимся вместе.

Он бросил последний взгляд на уходящую назад дорогу, на прикрытые ветками машины — последний островок знакомого мира. Затем развернулся и первым шагнул под сень вековых

сосен. Навстречу тишине, которая теперь ощущалась не пустотой, а напряжённым, внимательным ожиданием.

Он не видел, как Виктор, наконец свернув карту, проводил его взглядом — взглядом хирурга, оценивающего поле будущей операции.

Пройдя с полкилометра, Алексей снова достал компас. Не китайский сувенир, а точный армейский жидкостный компас Адрианова. Стрелка не дрожала. Она была мёртво неподвижна. Но указывала она не на север. Она указывала прямо вперёд, в самую глубь леса, туда, куда вела их тропа, будто её притягивал не магнитный полюс планеты, а нечто иное, гораздо более близкое и конкретное.

Пётр подошёл к Алексею, глядя на дрожащую стрелку компаса.

— У меня тоже, — сказал он тихо, показывая свой. — Не указывает на север. Или просто крутится. Или показывает куда-то в лес. Как раз туда где находится «Гранит».

— Магнитная аномалия? — спросил Алексей, хотя сам уже не верил в это.

— Может быть, — Пётр пожал плечами, но в его голосе не было уверенности. — Или... это место просто хочет, чтобы мы его нашли.

Он сказал это так спокойно, будто речь шла о погоде, но Алексей заметил, как его пальцы сжимают компас чуть крепче, чем нужно. Пётр что-то подозревал или чего-то боялся. Просто умело это скрывал.

Камень на душе Алексея окончательно превратился в глыбу. Магнитная аномалия? Возможно. Как будто сам лес, перестав быть просто скоплением деревьев, обрёл единый, незримый центр. И теперь мягко, но неумолимо тянул их всех к своей черной сердцевине. Начиналось с мелочей: с заглухшего двигателя, с отказавшей электроники. Что, спрашивал себя Алексей, будет, когда аномалия перестанет играть и перейдёт к делу?

Глава 7. Долг призраков (1944)

Возвращение в лагерь было безмолвным и тягучим, как переход через трясины. Давление, повисшее в лесу после встречи с «Эдельвейсом», не рассеялось — оно вползло вслед за партизанами в их временное пристанище, сгустившись вместе с вечерними тенями меж деревьев. У еле тлеющего костра, над которым висел запах вчерашней баланды и горького дыма, собрались все, кто мог держать оружие. Взгляды, налитые усталостью и немимым вопросом, впились в Мирона Степаныча. Командир партизанского отряда чиркнул спичкой, долго раскуривая самокрутку из жёсткого и крепкого самосада. Его лицо в мигающем свете пламени казалось вырубленным из морёного дуба — только глубокие рубцы, впадины и непробиваемая твёрдость.

— Ну что, — его хриплый голос не спрашивал, а рубил тягостную тишину, как топор. — Мы их видели. Это не пехота. Охотники. Идут не на фронт. В глубь гиблого места, куда и кабан с медведем не сунется. Мысли?

— Значит, отрезаем и бьём, пока не ушли! — выпалил молодой Сашка, сжимая свою «мосинку» так, что костяшки пальцев побелели. Глаза его горели лихорадочным, нетерпеливым огнём. — Пока не растворились! У них «шмайсеры» новейшие, ящики — наверняка взрывчатка, медикаменты! Трофеи!

— Трофеи в гроб с собой не возмёшь, щенок! — рявкнул на него седой сапёр Коля, с раздражением швыряя в огонь обгорелую щепку. Его лицо, испещрённое мелкими шрамами, кривилось в гримасе презрения. — В лоб на «Эдельвейс»? Ты видел, как они двигались? Как тени! Они нас, отошавших, здесь, в лесу, как слепых щенят перестреляют! У них — автоматы новейшие, связь, оптика. У нас — «трёхлинейки» плохо пристрелянные, да «папаши» старые, которые через три выстрела клинят!

— А что — просто глазеть и пропустить? — вступил политрук Григорий, старательно протирая стёкла очков краем не очень чистого носового платка. Без них его лицо казалось неожиданно молодым и уязвимым. — Пусть себе маршируют? А если они к своим прорываются? Или связные? Уничтожение такой группы — наш долг.

— Не прорываются, — тихо, но с такой железной интонацией, что все разом замолкли, сказал Иван. Он сидел чуть в стороне, прислонившись спиной к стволу сосны, и его массивная фигура сливалась с сумерками. — Они шли целеустремлённо. С научными футлярами, с приборами. Как на особую работу.

— А может, ну их к чёрту, этих горных козлов? — вставил своё слово дюжий партизан по кличке Медведь, разминая затекшие плечи. Его низкий голос звучал устало, но убедительно. — Своих делов — выше крыши. Мосты нужно минировать, эшелоны с бронетехникой пускать под откос. Фрицев и на передовой хватает. Зачем нам связываться с самой отборной сволочью?

— А куда они идут, что могут они искать в своих тылах, и в этих диких местах? Что если они ищут новое оружие? Что если они идут именно за тем, о чём Эрнест сказывал? — негромко, но так, что каждое слово легло на тишину, как камень в воду, спросил Иван. Он медленно вынул из кармана гимнастёрки тот самый обломок. Холодный, тёмный металл тускло блеснул в огне. — За этой... «силой»? Мы не знаем, что это. Но они, судя по всему, знают. И представьте: они её получают. Что они смогут сделать с этим на нашем фронте? С «тиграми» и «фердинандами» мы, хоть и тяжело, но справляемся. А как воевать с тем, чего не можешь ни понять, ни увидеть в прицел?

Тишина стала абсолютной. Даже треск углей в костре казался кошунственно громким. Страх перед неизвестным всегда был сильнее страха перед конкретной опасностью — снарядом или пулей. Он не бьёт в тело — он разъедает волю, подтачивает решимость изнутри, как кислота.

Григорий водрузил очки на переносицу, и его взгляд снова стал собранным, почти стальным.

— Товарищ Волков прав. Мы столкнулись не с рядовой диверсионной группой. Перед нами объект, имеющий важное, возможно, обще-фронтовое значение. Наш долг — доложить об этом в Центр. Но чтобы доложить, нужно иметь факты. Мы — глаза и уши РККА в этом тылу. Если мы отвернёмся сейчас, наша армия здесь ослепнет и оглохнет по собственной воле. Мы обязаны узнать их цель.

Мирон Степаныч сидел у костра и смотрел на огонь. Он чувствовал тяжесть этого решения — преследовать немцев в глубь леса. Он знал, что это может стоить жизни многим, а может и всем его людям. Но он вспомнил свою жену, которая погибла в бомбёжке в страшное лето сорок первого. Вспомнил её глаза, когда она прощалась с ним. И понял: если он сейчас отвернётся, если он позволит этим фашистам разбудить то, что они ищут, то он предаст не только Родину, но и её память. Мирон Степаныч медленно, с трудом, будто на него давил невидимый груз, поднялся во весь рост. В его движении была такая окончательность, что все споры, все вздохи, всё напряжение в воздухе разом смолкли, застыв в ожидании.

— Решение принято, — произнёс он, и в его голосе не было бравады, только холодная, тяжёлая решимость. — Отпустить их — нельзя. Будем преследовать. Но не как стадо баранов. Мы — тень в этом лесу. Мы — слух, которого нет. Идём по пятам, как призраки. Узнаём их цель. Фиксируем. А там... — он медленно обвёл всех своим тяжёлым, испытующим взглядом, в котором читалась вся тяжесть ответственности за их жизни, — будет видно. В лагере останется санитар вместе с ранеными. Кто не готов, кому своя шкура дороже долга — тоже может остаться. Прикрывать лагерь. Никакого приказа не будет. Решайте сами. Сейчас.

Он отступил на шаг, давая пространство для выбора.

Никто не вышел из круга. Никто не опустил глаз. Страх висел в воздухе, осязаемый, как запах грозы. Но было в этих людях нечто большее: долг, перемолотый в упрямыство; ненависть, спрессованная в тол; и то щемящее, опасное любопытство, что всегда сильнее страха. Оно гнало их вперёд, в неизвестность.

Иван отошёл в сторону, чтобы проверить патроны, и увидел Эрнеста. Старик сидел у коряги, закрыв глаза, и его губы шевелились — он негромко говорил что-то на своём, гортанном языке. Иван не понимал слов, но чувствовал ритм — это не была обычная молитва. Это было прощание.

— Эрнест, — позвал он тихо.

Финн открыл глаза. В них не было страха, только глубокая, древняя усталость.

— Ты знаешь, куда мы идём? — спросил Иван.

Эрнест медленно кивнул.

— Знаю. И знаю, что некоторые из нас не вернутся. Я молюсь за них, чтобы они ушли быстро. — Он помолчал, глядя куда-то в сторону леса. — Но я не молюсь о том, чтобы мы не пошли. Потому что если не пойти — придёт ещё большая беда. Ты чувствуешь?

Иван просто кивнул в ответ. Он чувствовал то же самое.

Лес вокруг затих, будто прислушиваясь к решению, которое изменит всё. Огонь в костре догорал, отбрасывая на лица партизан длинные, пляшущие тени.

Глава 8. Реликт

Лес поглотил их без остатка. Сначала ещё виднелась тропа — протоптанная кабанами, помеченная затесами на деревьях. Через час Алексей лишь угадывал направление по редким прогалинам и сломанным веткам, сверяясь с компасом, стрелка которого, словно привороженная, всё так же указывала куда-то вглубь леса, а не на север. Современный мир умер тихо: ещё на въезде в лес пропала сотовая связь, затем GPS-навигаторы стали показывать лишь серые экраны с надписью «НЕТ СПУТНИКОВ», и даже спутниковый телефон выдал роковое «Нет связи».

— Зато настоящая, нецифровая романтика! — попытался шуткой разрядить обстановку Чиж, но смешок его сорвался, утонув в давящем, сыром безмолвии. Полумрак под сенью вековых елей был не просто отсутствием света — он казался густым, осязаемым, замедляющим движение и мысли.

Первым насторожился «Борода», чей взгляд, отточенный годами охоты, выхватил из узора окружающей природы несоответствие.

— Стой, — он поднял сжатый кулак, и колонна замерла. — Глядите.

Он указал на мощную ель, растущую метрах в 50 от тропы. Ствол её, на высоте человеческого роста, был неестественно скручен, будто гигантская рука провернула дерево вдоль оси. Древесина вздыбилась уродливыми, почерневшими от времени наплывами.

— Осколок прилетел, — мрачно констатировал Сергей, проводя ладонью по шраму. Его пальцы нащупали в древесине нечто твёрдое. — Сидит глубоко.

Команда замерла, всматриваясь в окружающий лес уже не как в обычный пейзаж, а как в возможное поле боя, происходившего здесь десятки лет назад.

Алексей сделал несколько шагов в сторону, раздвинул колючие лапы молодой ели и почувствовал, как желудок сжимается в холодный комок. Они нашли следы человека, и одновременно следы боя.

Перед ним шла линия окопов. Не свежая, не рыжая от глины, а древняя, оплывшая, почти поглощённая ковром мха, папоротников и тонкими стволиками молодых берёзок. Но её правильная форма была узнаваема сразу, выделяясь в природном хаосе прямыми линиями и острыми углами. Чуть дальше зияла воронка — отпечаток прилетевшей давно мины или снаряда.

— Тут целый рубеж, — донёсся спокойный голос Петра. Он отошёл на другую сторону от тропы, и тоже стоял на краю полузаросшей, узкой как щель траншеи. Обвалившиеся брёвна наката, ниши для боеприпасов, выщербленная осколками лопата с почерневшей от времени (а будто от крови) рукоятью, намертво вросшая в землю. Всё говорило об одном: здесь, в этой ныне мёртвой тишине, кто-то отчаянно держал оборону.

Страйкболисты, забыв про усталость, молча разбрелись по пятаку. Нашлись гильзы — латунные с финским клеймом VPT, и наши с едва читаемыми цифрами «43». Кто-то вынул из-под корней проржавевший, истлевший почти в труху котелок — «блокадник».

— Финны? Наши? — глухо спросил кто-то. — Непохоже на долговременную оборону, — покачал головой «Борода», осматривая линию окопов. — Слишком хаотично. Словно копали второпях...

Алексей подошёл к краю траншеи. Он представил себе молодого лейтенанта, своего деда, возможно, именно здесь, в этой самой грязи, под свист шрапнели, выводившего химическим карандашом строки в потрёпанный полевой дневник. Щемящее чувство связи, тонкой, как паутина, и прочной, как стальной трос, сжало горло.

В этот момент рация на его плече, до этого лишь шипевшая белым шумом, ожила.

Резкий, пронзительный треск, переходящий в визгливый гул. И сквозь него — обрывки: «...рь... я... ранен... прик...» — голос был искажён до неузнаваемости, растянут и замедлен, будто звук тонул в глубине радиоэфира.

— Кто в эфире? «Вепрь-1» на связи! — нажал Алексей кнопку, его пальцы побелели.

В ответ — нарастающий вой, переходящий в невыносимый для ушей визг. Он с силой оторвал тангенту от уха.

— Помехи, — буркнул Сергей, лихорадочно перебирая каналы. На всех — одна картина: то мертвая тишина, то этот адский хор.

— Ожидаемо, — раздался ровный голос Виктора. Он стоял рядом, держа в руках свой армейский образец рации. На дисплее тоже плясали помехи. — В породах с высоким содержанием магнитного железняка всегда такой эффект. Искажение радиоволн. Физика, ничего необычного.

Объяснение звучало безупречно с научной точки зрения. Но Алексей поймал себя на мысли: Виктор произнёс это слишком гладко, без тени сомнения или досады. Как заученную лекцию. И в его глазах, когда он смотрел на беснующуюся рацию, читался не испуг, а холодный интерес, будто он наблюдал подтверждение своей гипотезы.

К Алексею подошли Одуван и Чиж.

— Смотри, командир, что мы нашли! — Лицо Одувана светилось, а в руках он нес слегка тронутый ржавчиной металлический цилиндр, напоминающий большую консервную банку с рукояткой. Алексей похолодел. «Ворошиловский килограмм» — советская противотанковая граната, созданная в 1941 году, и применявшаяся РККА всю войну. Очень мощная, очень опасная. Он медленно взял гранату из рук Одувана, отодвинул шторку. В ладонь выпал длинный латунный цилиндр взрывателя, на жаргоне поисковиков «карандаш». Алексей выдохнул.

— Больше таких не видели?

— Не, только одна.

— В следующий раз не трогайте ничего, а сразу зовите меня. А то «лягушку»¹ притащите мне домой. Одной такой штуки достаточно чтобы всех нас разметать на атомы. — Алексей обвёл взглядом команду. В глазах ребят читалась уже не тревога, а затаённый, животный страх. — Продолжаем движение. Связь визуальная и голосом. Дистанция — не более 10 метров. Никто не отрывается. — Он покрутил гранату в руках, и сунул её в рюкзак. На всякий случай.

— Командир, а правда, что тут целый партизанский отряд... ну, пропал? — голос Одувана сзади был тонким, сдавленным.

— В лесу люди теряются, Денис. Всегда. Неважно, в каком веке и в какой форме, — Алексей отвёл очередную ветку. — Главное — голова на плечах. Паника здесь убивает быстрее любой пули.

— А вам... не страшно? Алексей на секунду замедлил шаг. Страх? Да. Но не слепой, а тяжёлый, как свинцовый плащ. Ответственность за этого бледного пацана, за всех остальных. За то, что он, ведомый призраком деда, завёл их в самое сердце этой тишины.

— Страх — это топливо для осторожности. Боится только дурак, который себя не контролирует, — он бросил взгляд через плечо, встретив широкие, испуганные глаза Одувана. Ребёнок. Почти ребёнок. — Держись за мной. И смотри под ноги.

Он бросил последний взгляд на оплывшую траншею. Они нашли следы войны. Но всё сильнее стало ощущение, что та война не кончилась. Она лишь уснула. И они, неосторожно ступая, начали её будить.

¹ Шпрингмина — на жаргоне поисковиков мина-лягушка, при срабатывании выпрыгивает на 1.8 метра и взрывается, осыпая окрестности дождём из металлических шариков, очень опасна.

Лес сжимался. Видимость упала до двадцати метров. Влажный воздух пропитывал одежду, охлаждал кожу. Алексей ловил себя на том, что постоянно оборачивается, подсчитывая силуэты. Все шли молча, стараясь держаться поближе друг к другу. Даже техник Сергей, обычно погружённый в мир гаджетов, нервно теребил портативный магнитометр, который то и дело заходиллся коротким, истерическим писком.

Именно прибор первым взбунтовался окончательно.

— Стойте! — голос техника дрогнул. Он смотрел на экран, потом на компас, потом снова на экран, будто не веря глазам. — Это... невозможно. Магнитное поле не просто искажено. Оно пульсирует. С определённой частотой. Как... сердце.

Алексей достал свой компас. Стрелка жидкостного компаса под стеклом теперь вращалась, медленно, неотвратно, делая полный круг за несколько секунд.

— Что за такая странная магнитная аномалия? Рудное тело? — попытался найти рациональное зерно Алексей, но голос выдал его.

— На такой площади? С чёткой периодичностью? — техник тряхнул головой, отводя взгляд от экрана, будто тот мог ударить током. — Это... на искусственный источник похоже. Но что может работать здесь, где ничего нет — ни заводов ни военных частей?..

Из тумана, прямо перед «Бородой», метнулась тень. Высокая, размытая, без лица. Воздух разрезал короткий, сухой звук — лязг металла о металл, точь-в-точь как удар прикладом по пустому корпусу.

— Кто здесь?! — рявкнул «Борода», вскидывая дробовик. Звук выстрела оглушительно грохнул в тишине, картечины снесли листву, застучали по деревьям.

В ответ — абсолютная, гробовая тишина. Даже ветер в вершинах сосен замер. Лес затаил дыхание.

— Показалось... — неуверенно пробормотал Одуван. — Нет, — тихо, но чётко сказала Ольга. Её снайперский взгляд, привыкший выхватывать контуры на пределе видимости, зафиксировал то, что другие упустили. — Оно было. Похожее на человека. Но... движение было не таким. Слишком резким. Слишком угловатым.

Виктор бесшумно подошёл к ним из хвоста колонны. На его лице не было ни тени испуга.

— Кто-то уже с утра выпил? — спросил он, как врач, ставящий диагноз. — Или нервишки разыгрались — палить по сторонам? Нужно взять себя в руки.

Но Алексей снова увидел в его глазах не сочувствие, а тот самый аналитический блеск. Виктор не боялся. Он фиксировал данные.

Они двинулись дальше, но теперь шли как по минному полю. Атмосфера сгущалась, становилась ещё более тяжёлой, а через полчаса лес внезапно расступился, открыв края глубокого, поросшего ольхой оврага.

И там, на дне его, в холодной тени, стояло ЭТО.

Немецкий мотоцикл с коляской. BMW R75. Не ржавый остов, не груда запчастей, а идеально сохранившийся, будто только что с конвейера завода в Айзенахе. Камуфляжная окраска — свежая, чёткая, без потёртостей. На сиденье лежала потрёпанная кожаная перчатка. Колёса со специфическим протектором стояли на слое прошлогодней листвы, но сами были чисты, будто их только что помыли.

Но самое жуткое было не в этом. Двигатель тихо работал на холостых оборотах. Мотоцикл стоял посреди дикого леса, где не было и намёка на дорогу. Он был абсолютно чист — ни пылинки, ни капли масла, ни паутины в спицах. Он был не отсюда. Он был инопланетным кораблём, совершившим посадку в этом овраге восемь десятилетий назад и замершим в ожидании.

А вся коляска была пробита пулями, как решето. И сиденье, и пол, и даже стенки её были залиты чем-то бурым и липким.

— Это... как? — выдохнул Одуван, и его голос сорвался на фальцет. — Чья-то постановка? Музейный экспонат? — предположил «Борода», но сам не верил своим словам. Сергей, поборов оцепенение, осторожно спустился по склону. Он не решался прикоснуться, лишь постучал костяшками пальцев по бензобаку. — Холодный. И... полный, — он отдернул руку, будто обжёгся о время. — Так не бывает. Этому железу под восемьдесят лет. Оно должно быть трухой.

Гном, обычно молчаливый и сдержанный, вдруг шагнул вперёд, обходя остальных. Он подошёл к мотоциклу почти вплотную, присел на корточки и провёл пальцем по тёмному, вьевшемуся пятну на сиденье. Потом поднёс палец к носу — и его лицо чуть дрогнуло.

— Кровь, — сказал он тихо, чтобы слышали только ближайшие. — Засохшая. И недавняя. День, может, два. Не больше.

— Откуда ты знаешь? — спросил Чиж, который подошёл следом.

— Видел такое в Сирии, — коротко ответил Гном, не объясняя больше. — Свежая кровь пахнет иначе. Эта ещё не выцвела.

Он вытер палец о траву и отошёл, оставив остальных в тишине. Никто не знал, что именно он видел в Сирии. Никто не спрашивал. Но с этого момента на мотоцикл смотрели иначе — не как на странный экспонат, а как на свидетельство чьей-то недавней смерти.

Алексей чувствовал, как холодный пот стекает по позвоночнику. Он посмотрел на Виктора. Тот стоял наверху, на краю оврага, и на его губах играла странная, почти блаженная улыбка, словно он увидел долгожданное подтверждение.

— Значит, мы всё ближе к эпицентру, — тихо, больше для себя, произнёс Виктор. — Эффект нарастает.

— Какой эффект, Виктор? — резко, отчеканивая каждое слово, спросил Алексей, обращаясь к нему.

Улыбка мгновенно исчезла, сменившись привычной, непроницаемой маской.

— Геомагнитная аномалия. Я же говорил. Война оставляет шрамы. Иногда... шрамы оказываются живыми.

Но Алексей больше не верил ни одному его слову. Он видел кровь на сиденье. Видел ту перчатку. Она лежала так, будто её только что сняли, чтобы закурить. А ещё от *этого* полз, волнами накатывал самый настоящий страх. И ему, со всей ясностью, захотелось одного — увести своих людей как можно дальше от этого места.

— Всем назад! — скомандовал он, и в его голосе впервые прозвучала не просто напряжённость, а сталь. — Наверх! Обходим это место! Ничего не трогать! Двигаемся, сейчас же!

Они отступили от оврага, унося с собой немой укор истории — идеально сохранившийся артефакт чужой войны, лежащий в глубине русского леса, как ядовитый подарок из прошлого. Это был уже не след. Это было послание, написанное на языке, которого они не понимали. Но все, включая Алексея, с кристальной ясностью понимали одно: они только что прочли первую строку.

Глава 9. Те кто идут в ад (1944)

Они двигались как призраки, бесшумно ступая по мягкому, пружинящему ковру мха, в котором тонули их сапоги. Мирон Степаныч шёл первым, его тело, словно сросшееся с лесом за долгие годы войны в тылу врага, инстинктивно обходило каждую сухую ветку, каждый участок с хрустящей прошлогодней листвой. Несмотря на его богатырский рост и крепкое телосложение он не шёл — он струился меж стволов, становился частью пейзажа. Иван следовал за ним, и каждый его шаг казался ему самому грубым, неловким, оглушительно громким. Он, артиллерист, привыкший к панораме полей сражений, к далёким вспышкам орудий, здесь, в этом зелёном, давящем лабиринте, чувствовал себя слепым и тяжеловесным, как танк среди карельских валунов.

Немцы шли быстро, с убийственной уверенностью, но их маршрут был подобен движению стаи хищников — не по прямой, а петляющий, с внезапными остановками, зигзагами и моментами полной, неестественной тишины, когда они, казалось, растворялись среди деревьев, становясь частью узора света и тени.

— Смотри, — Мирон Степаныч на мгновение замер, его заскорузлый палец указал на землю у подножия старой, замшелой ели, ствол которой был испещрён глубокими, как морщины, трещинами. — Опять. Читай землю.

Иван присмотрелся. Чёткие, глубокие следы ботинок с характерным рисунком подошвы ботинок горных егерей, не обычных сапог «Марш-штифель» вермахта — чётко вели к огромному, покрытому толстым слоем изумрудного мха валуну. И обрывались. Упирались в камень, словно люди, их оставившие, шагнули прямо в гранит. Создавалось полное, жуткое впечатление, что группа попросту испарилась.

— Как они это делают? — прошептал Иван, чувствуя, как внутри закипает раздражённое бессилие. — По деревьям, что ли, пошли?

— Не только, — мрачно ответил Мирон Степаныч, его глаза, узкие щелочки, сканировали чащу. — Следы путают. Профессионально. И смотри сюда. Дыши ровно.

Он отвёл Ивана в сторону, к свисающей с соседней ели тяжёлой, мохнатой лапе. Аккуратно, кончиком финского ножа, приподнял её. Под сенью хвои, почти невидимая, натянулась тонкая, матовая стальная проволока, блеснувшая в редком луче света, пробившемся сквозь чащу. Она уходила вглубь, к кольцу гранаты-«лимонки», аккуратно закреплённой в развилке ветвей как раз на уровне головы идущего человека.

— Растяжка, — холодная, острая волна прокатилась по спине Ивана. — Но мы же сзади. Это...

— Это не для тех, кто идёт по следу, как собаки, — покачал головой Мирон, с величайшей осторожностью возвращая ветку на место. Его движения были плавными, почти ласковыми. — Они знают, где преследователь может попытаться срезать угол, пойти параллельным курсом, обогнать. — он посмотрел на Ивана, и в его взгляде читалась твёрдая уверенность. — Они знают что делают.

Когда растяжка была обезврежена, все выдохнули. Григорий вытер пот со лба и сказал, стараясь улыбнуться:

— Ну, если они нас так встречают, то на финише, наверное, будет чай с печеньем.

Никто не засмеялся. Сашка, стоявший ближе всех к месту, где висела граната, был бледен как полотно. Ефим украдкой крестился, не глядя на остальных. Григорий понял, что шутка не удалась, и замолчал. Иван заметил, как его руки, сжимавшие автомат, слегка дрожат — не от страха, а от той липкой, холодной пустоты, которая заполняла их всех. Политрук пытался быть сильным, но у него тоже были пределы.

Через полчаса напряжённого, выматывающего нервы преследования они снова увидели немцев. Те остановились на небольшой поляне, залитой тусклым светом, пробивавшимся сквозь плотный полог крон. Офицер со странным маятником в руках — высокий, сухой, с лицом аскета — медленно, словно совершая какой-то ритуал, обходил поляну по периметру. Он то замирал, поднимая прибор и внимательно наблюдая за дрожащей стрелкой, то делал шаг в сторону, будто следуя за невидимой нитью. Двое других егерей в это время сняли с плеч те самые продолговатые футляры. Открыли их, и Иван увидел не оружие, а устройства, отдалённо напоминавшие панели сложных измерительных приборов. Матовые циферблаты со стрелками, несколько стеклянных лампочек-индикаторов, которые то загорались тусклым, ядовито-зелёным светом, то гасли, словно мигая в такт чему-то невидимому.

— Что это? — не удержался Сашка, и его шёпот в давящей тишине прозвучал хрустально-громко, как щелчок взведённого курка. — Рация какая-то новая?

— Молчи, — шикнул на него Григорий, но сам не отрывал глаз от поляны. — Не похоже на связь.

Иван чувствовал, как внутри всё сжимается в тугой, холодный узел. Он видел артиллерийские буссоли, дальномёры, стереотрубы. Видел прибор ПУАЗО-3². Но это... было иным. Слишком хрупким, слишком тихим, слишком невоенным для поля боя и слишком сложным для простой разведки. В его конструкции читалась чуждая, непонятная логика.

Немцы что-то замеряли, переговариваясь скупыми, отрывистыми фразами. Потом офицер резко кивнул, аппаратуру упаковали с той же немой слаженностью, и группа, не оглядываясь, тронулась в путь, исчезнув в чаще с той же пугающей, неестественной скоростью.

Партизаны выждали несколько долгих, наполненных только стуком собственных сердец минут и лишь потом, по знаку Мирона, осторожно, как на заминированном поле, вышли на поляну.

— Осматриваем место, — скомандовал командир, и его голос прозвучал приглушённо, будто звук поглощал сам воздух. — Следы, мусор, всё. Быстро и тихо.

Люди рассыпались. Иван подошёл к тому месту, где стоял офицер с маятником. Земля была утоптана. И там, в самом центре, кто-то аккуратно, кончиком штыка или кинжала, вырезал на влажной, тёмной земле знак.

Это был не крест, не стрела. Это был странный, ломаный, угловатый узор, напоминавший то ли кристаллическую решётку, то ли схематичное, стилизованное изображение глаза с расходящимися во все стороны лучами-щупальцами. Линии были глубокими, точными, выведенными без единой дрожи.

— Мирон Степаныч, глянь-ка.

Командир подошёл, наклонился, и его лицо, обычно непроницаемое, на мгновение исказила гримаса глубочайшего недоумения. — Никаких тут наших меток не было. И немецких — тоже. Это... чертёж, что ли?

— Не чертёж, — вдруг прозвучал тихий, старческий, словно шорох сухих листьев, голос. Это был Ефим. Он стоял неподалёку, и его глаза, выцветшие от времени, но не утратившие зоркости, были прикованы к знаку. — Знак. Предостерегающий. Или... призывающий.

К ним бесшумно, как тень, подошёл «красный финн» Эрнест. Он заглянул через плечо, и его скуластое, обветренное лицо, обычно спокойное, будто вырезанное из кости, исказилось. Не страхом, а чем-то более глубоким — первобытным отвращением, какое испытывают к случайно найденной в лесу падали.

— Похоже на старые карельские руны... для охотников и рыбаков... но... испорченные. Искажённые. Не наши.

² ПУАЗО — Прибор Управления Артиллерийским Зенитным Огнём, электро-механический вычислитель, в то время полный хай-тек.

— Испорченные? — переспросил Иван. Он зарисовывал знак на последней странице своего блокнота и чувствовал, как по коже, под гимнастёркой, бегут ледяные мурашки.

Эрнест помолчал, его взгляд буравил зловещий узор, будто пытаясь разгадать его скрытый смысл.

— Наши предки ставили знаки, чтобы отогнать злых духов леса... или чтобы попросить у них разрешения на охоту, на проход. Этот... — он ткнул пальцем в воздухе в сторону символа, не решаясь приблизиться, — он для призыва. Только дух тут изображён не наш, не здешний. Чужой. Из глубин, из-под камней. Голодный. Они его зовут.

Лёгкий, ледяной ветерок прошелестел по верхушкам сосен, и Ивану не почудилось — он ясно услышал, как в его шелесте, в скрипе стволов, проступил низкий, вибрирующий гул, тот самый, что слышали в лагере. Лес, всегда бывший для него просто территорией, местностью, тактической картой, вдруг обрёл зловещую, древнюю душу. И эти немцы, похоже, не просто знали её язык. Они знали, как составить договор. Или как вырвать у неё силу, заплатив чужой монетой.

— Сотрите это, — тихо, но властно сказал Мирон Степаных. — Затопчите. И двигаемся. Аккуратно. По их следам. Мы — тень, а не охотники. Пока.

Сашка и ещё один партизан грубо, сапогами, разворошили землю, уничтожив знак. Но ощущение, что они стёрли лишь линии на земле, а само послание уже прочитано кем-то другим, осталось.

Они снова углубились в чащу, и теперь каждый шорох, каждый скрип ветки отдавался в их сердцах тяжёлым, зловещим эхом. Воздух сделался гуще, пахнувшим озоном и холодным камнем. Свет мерк. Тропа вела вниз, в широкую ложину, дно которой тонуло в белесой пелене тумана. Следы терялись там. И оттуда, из глубины, поднималось дыхание — ледяное, от которого сжималось сердце.

Эрнест замер, втягивая воздух.

— Они идут в место, где мир тонок, — не глядя на него, сказал финн. — Где старая сила спит под камнями. Они хотят её разбудить. Мы уже близко. Слишком близко.

Мирон Степаных обернулся к своим. В его глазах была тяжёлая, как карельский гранит, решимость.

— Значит, мы уже на пороге. Тишина — теперь наше оружие. Они где-то там, в тумане. У них есть цель. Наша — узнать её. И если сможем... — он не договорил, но все поняли.

Иван посмотрел в белесую пелену. Там, в холодном сумраке, скрывалось нечто, ради чего элита рейха забралась в самую глушь. И они, горстка партизан, шли за ними, чтобы посмотреть в глаза тому, чему, возможно, смотреть было совсем не нужно.

Глава 10. Ночь, впусившая тени

Последний солнечный луч исчез не постепенно, а резко, словно гигантская дверь в мир света захлопнулась навсегда. На лес опустилась не просто тьма, а нечто плотное, бархатистое, почти осязаемое. Воздух моментально остыл, наполнившись коктейлем запахов: влажного мха, гниющей столетней хвои, горьковатой брусники и чего-то ещё — солёного, металлического, как привкус крови на языке, тревожащего память на уровне доисторических инстинктов. Звёзды, пронзительно яркие в отсутствие малейшей городской засветки, казались не дружескими огоньками, а холодными, безразличными глазами, взирающими со своей непостижимой высоты на крошечный, дрожащий островок света и тепла — их костёр.

Костёр, который они развели с таким трудом, используя сухие палки и куски бересты, теперь казался островком спасения в бескрайнем океане мрака. Языки пламени жадно лизали сушняк, отбрасывая пляшущие тени на сосредоточенные лица бойцов. Тени эти жили своей жизнью — вытягивались, ломались о коряги, сплетались в причудливые фигуры, заставляя то и дело непроизвольно оглядываться через плечо.

— Борода, ты уверен, что шашлык здесь жарить безопасно? — Чиж, сидевший ближе всех к лесу, нервно постукивал пальцами по колену. — Ну, в смысле... запах?

— А что запах? — Борода, колдовавший над шампурами, даже не поднял головы. — Медведь сюда не сунется — нас много, шумно. А другой живности здесь отродясь не водилось, сам знаешь. Глухомань.

— Я не про живность, — тихо, но с нажимом сказал Чиж, покосившись в сторону чёрной стены леса.

— А помнишь, как мы в прошлом году на учениях под Лугой были? — вдруг спросил Чиж, глядя в костёр.

— О, Господи, — простонал Одуван. — Сейчас опять расскажет про медведя.

— А что медведь? — заинтересовался Борода, отрываясь от шампура.

— Он не медведь! — возмутился Чиж. — Он был... э-э... как крупный кабан!

— Ты сам сказал, что это медведь, когда он на тебя вышел! — заржал Одуван. — И побегал так, что я тебя два часа искал!

— Я не побегал! Я совершил тактическое отступление!

— От медведя?

— Я думал, это медведь! А оказалось — местный лесник на лыжах.

Все засмеялись, даже Пётр, который обычно был серьёзен. Смех был настоящим — но коротким. Когда он стих, в воздухе повисла та же тишина, что и раньше. И в этой тишине костёр казался уже не таким тёплым. Треск поленьев, шипение сока на шашлыке, бульканье похлёбки «Сытый кнехт» в котелке — эти звуки сейчас значили больше обычного. Они были якорем, удерживающим реальность на месте. Фляжка с выдержанным коньяком, припасённая «для сугреву», пошла по кругу. Первый глоток обжёг горло, второй разлил приятное тепло по груди, но прогнать липкий холодок между лопаток так и не смог.

То, что они увидели сегодня — заглохший среди бела дня УАЗ, сошедшие с ума компасы и приборы, старые окопы и абсолютно свежий, будто только что с конвейера, немецкий мотоцикл сороковых годов, стоящий посреди леса с работающим двигателем и следами крови — не просто не вписывалось в их страйкбольный опыт. Это было нарушением правил самой реальности. И это знание сидело в каждом под кожей, как заноза, которую невозможно вытащить.

— Мясо поспело, — объявил Борода, и это прозвучало как команда «Общий сбор». — Налетай, орлы, пока горячее.

Шашлык из свиной шеи, маринованный в луке и кефире, пах умопомрачительно. На какое-то время еда заняла все мысли. Ели молча, сосредоточенно, вытирая жирные пальцы о

траву. Сергей, сидевший рядом с Алексеем, жевал медленно, глядя куда-то в одну точку. Он вообще сегодня был сам не свой — с того самого момента, как они наткнулись на мотоцикл.

— Серёг, ты чего застыл? — Ольга легонько толкнула его в плечо. — Бери ещё, пока Чиж всё не умял.

Чиж, услышав своё имя, возмущённо хрюкнул с набитым ртом, но скорость поглощения пищи не снизил. Сергей же вздрогнул, будто очнувшись.

— А? Да... не хочу больше. — Он перевёл взгляд на костёр. — Странное всё это. Место странное. Я сегодня... ну, когда мы тот мотоцикл нашли... У меня такое чувство было, что мы тут не одни.

— А кто ж тут может быть, кроме духов карельских болот? — нервно хохотнул Одуван, пододвигаясь ближе к огню. Парню только недавно исполнилось восемнадцать, и в его по-детски широко открытых глазах плескалась смесь любопытства и безотчётного страха. — Хотя... после такого дня я и в духов поверю.

— Ты главное, не паникуй раньше времени, — осадил его Виктор. Он сидел чуть поодаль, откинувшись на складном стуле, словно подчёркивая свою отдельную, наблюдательную позицию. — У страха глаза велики. Мотоцикл — ну мотоцикл. Реконструкторы какие-нибудь притащили, да бросили. Мало ли?

— Реконструкторы? Сюда? На ночь глядя? И движок у него — как у нового, я проверял, — подал голос Пётр, крупный мужчина со спокойными, немного усталыми глазами. Он вообще говорил мало, но когда говорил — слушали все. — Не, Вить. Тут другое. Тут всё другое.

— Психологический настрой решает, — отрезал Виктор. — Мы в нестандартной ситуации, психика ищет опору, а когда не находит — начинает дорисовывать. Всё просто.

— Всё просто, — негромко повторил Пётр, помешивая ложкой в котелке. Он сидел на корточках, широкоплечий, с лицом, изрезанным морщинами не столько возраста, сколько опыта. — Если бы не одно «но». — Он поднял глаза на Виктора. — Психика-то у всех разная. А чувство одно. И запах. Чем, по-твоему, пахнет от того мотоцикла?

— Бензином, маслом... чем ему ещё пахнуть? — пожал плечами Виктор, но в голосе его проскользнула неуверенность.

— Нет, Вить. Им пахнет войной. Порохом. Потом. И кровью. Я такой запах не спутаю.

Тишина после этих слов стала абсолютной. Даже костёр, казалось, притих. Алексей продолжил мешать похлёбку, но слова уже повисли в воздухе, тяжёлые и неопровержимые.

— Ну, знаешь... — Виктор поправил очки, — субъективные ощущения...

— Да какие, к чёрту, ощущения! — не выдержал Чиж. — У меня «субъективное ощущение», что за нами кто-то следил весь день из леса! Или вы думаете, я один это чувствовал?

— Я тоже чувствовала, — тихо сказала Ольга. Она сидела чуть в стороне от мужчин, но её присутствие ощущалось всегда. Высокая, подтянутая, с гладко забранными в хвост русыми волосами, она обладала той спокойной уверенностью, которая бывает у людей, привыкших часто и быстро принимать важные решения. — Взгляд в спину. Тяжёлый такой... изучающий.

— Ну вот, теперь у нас коллективная галлюцинация, — съязвил Виктор, но как-то без обычного напора.

— Вить, да хватит уже! — Борода, наконец, отвлёкся от шашлыка. — Люди говорят, как есть. Ты бы лучше рассказал, что сам думаешь, а не умничал. Ты ж у нас самый начитанный.

Виктор поморщился, будто от зубной боли, но промолчал. Он всегда предпочитал наблюдать и анализировать, а не выкладывать свои карты на стол. Особенно в такой обстановке.

— Ладно, мужики, — примирительно сказал Алексей, снимая котелок с огня. — Хватит нагнетать. Давайте-ка поедим горячего как следует. Похлёбка — вещь. Борода, кипяти чай.

Горячая, наваристая похлёбка «Сытый кнехт» с тушёнкой, фасолью и копчёностями немного разрядила обстановку. Начались обычные лагерные разговоры: кто сколько патронов

расстрелял в прошлые выходные в тире, у кого берцы натирают, чья очередь за водой идти. Но налёт тревоги так и не исчез. Он словно затаился на периферии сознания, ожидая своего часа.

И когда с едой было покончено, когда кружки наполнились обжигающе-чёрным чаем с дымком, а взгляды вновь уткнулись в танцующее пламя, этот час настал.

— Слышь, командир, — голос Одувана прозвучал неожиданно громко в повисшей тишине. Парень сидел, обхватив колени руками, и смотрел на огонь немигающим взглядом. — А можно я спрошу? Ну, не по делу, а так... вообще?

— Спрашивай, — кивнул Алексей, методично помешивая похлёбку закопчённой ложкой,

— Вот смотришь на всё это, — Одуван неопределённо повёл рукой, охватывая и костёр, и лес, и тёмное небо с пронзительно-холодными звёздами. — День сегодня... такой. Жуткий. И думаешь: а для чего всё? Ну, вот лично ты, Командир... живёшь зачем?

Вопрос повис в воздухе, тягучий, как патока. Борода поперхнулся чаем, Чиж присвистнул сквозь зубы. Даже невозмутимый Пётр поднял бровь. Виктор же, напротив, подобрался весь, как охотничья собака, учуявшая дичь.

Алексей, отложил ложку, вытер ладони о брюки, улыбнулся уголкам губ, и стал доставать из кармана куртки немецкую егерскую трубочку тридцатых годов и табак. Он курил редко, может быть несколько раз за год, и только на выездах. Вопрос Одувана был детским, но бил в самую суть.

— Вопрос, Одуван, хороший. Взрослый. Ты бы лет десять назад мне его задал, я б тебе наговорил с три короба. Про справедливость, про правду, про то, что мир переделать надо. — Он усмехнулся, и в этой усмешке была не насмешка, а горечь. — А сейчас... сейчас я скажу проще. Живу, чтобы каждый день просыпаться и понимать: я на своём месте. Не чужую жизнь живу. Вот эти вот все, — он обвёл рукой сидящих, — ребята, лес, костёр, даже этот дурацкий мотоцикл с того света — это всё часть моей жизни. Я её выбрал сам. И каждый мой шаг, каждое решение — это мой шаг и моё решение. Даже если оно ошибочное. Лишь бы не чужое.

— И всё? — разочарованно протянул Одуван. — Так просто? А как же... ну... миссия какая-то? Предназначение?

— А это и есть моё предназначение, — спокойно ответил Алексей. — Быть хозяином своей судьбы. Помогать тем, кто рядом. Поступать по совести. Дом построить, дерево посадить, сына вырастить. Звучит, может, не пафосно, но по сути — это и есть счастье. Маленькими шагами делать мир вокруг себя чуточку лучше. Не весь сразу, а вот ровно настолько, насколько хватает рук.

— Мелко плаваешь, командир! — не выдержал Виктор. Он подался вперёд, и в свете костра его глаза блеснули азартным огнём. — Прости, конечно, но это же... обывательщина! Дом, дерево, сын... Это удел большинства. А человек с твоим потенциалом, с твоим опытом... Ты же мог! Мог в политику пойти, в бизнес, да куда угодно! Власть иметь, влиять на процессы! А ты — в страйкбол играешь, по лесам шастаешь.

— А что не так со страйкболом? — добродушно осведомился Борода.

— Да ничего, если как хобби. Но не как смысл жизни! Смысл — в большем! В идее, которая захватывает целиком! В служении чему-то великому! Государству, нации, будущему! Вот тогда твоя жизнь обретает настоящий масштаб. Тогда ты — часть истории, а не просто песчинка. Жить, чтобы просто жить? Как животное? Надо же ради чего-то большего! Ради Идеи, которая выше тебя! Ради светлого Будущего, которое ты сам не увидишь, но построишь! Вот это — достойно! За это можно и жизнь отдать, это окупается с лихвой! Это же бессмертие в памяти поколений, в истории!

— Ну, твоя-то жизнь, Витя, — это твоё решение и твоя воля, — спокойно, без вызова, парировал Алексей. — Делай с ней что хочешь. Хотя я считаю, что разменять свою единственную, неповторимую, данную тебе скорее всего один раз жизнь на абстрактную идею... это всё

равно что променять золотой слиток на фантик с красивой картинкой. Фантик могут сжечь, перерисовать, выбросить. А ты уже пепел. Но, повторюсь, это твой выбор. И если ты *действительно* готов отдать свою жизнь ради своей великой идеи — я его уважаю. — Алексей сделал паузу, и его голос, ранее мягкий, приобрёл металлическую чёткость, как у штыка. — А вот другой вопрос... Ты готов отдать за свою идею жизнь других людей? Не свою — это легко и пафосно. Чужие. Если абстрактное Государство или чьи-то идеи потребуют ВОТ ИХ жизни? Конкретных вот этих людей? — Он медленно обвёл жестом замерший круг бойцов.

Тишина вокруг костра стала глубокой, звенящей, как воздух перед грозой. Даже треск поленьев будто стих, задавленный тяжестью вопроса. Виктор заметно смутился. Его уверенная поза сломалась, он отвёл взгляд в сторону чёрной стены леса, начал нервно теревать застёжку на рукаве.

— Ну... это... смотря каких людей... и ради какой цели... — замялся он, и в его голосе впервые проскользнула неуверенность, фальшь. — Если речь идёт о стратегическом интересе государства... о его выживании и величии... о защите от реальной, смертельной угрозы... то да. Увы. Высшие интересы. Цель оправдывает средства. История не знает сантиментов. Да и вообще от водки больше людей умирает.

— Опа-на! — присвистнул кто-то из темноты за кругом света. Это был Чиж, его голос прозвучал сухо и без тени веселья.

— Подожди-ка, — тяжёлый голос Петра, обычно молчаливого, прорубил тишину. Он поднял голову, и в его глазах, отражавших пламя, горел не вопрос, а холодный, накопившийся гнев. — То есть, если некое «государство», его «высшие интересы», решат, что я, моя жена, мой сын — всего лишь разменная монета в их «великой игре», то так тому и быть? Нас — в расход? Без колебаний?

— Не ты лично, Петь! — попытался вывернуться Виктор, его лицо налилось тёмной, багровой краской от внутреннего жара. Он даже привстал, будто готовый ринуться в словесную атаку. — Речь о категориях! О масштабах истории! О судьбах народов! Ты не можешь мыслить такими мелкими категориями!

— А история, — тихо, но с какой-то безумной твёрдостью сказал Пётр, — она и состоит из этих «мелких категорий». Из Сергеев, Алёш, Ольг... Из моего прадеда, который пропал без вести под Ржевом в сорок первом. Он для твоей истории — строчка в сводке потерь. Статистика. А для моей бабушки, которая всю жизнь ждала отца, — это пустота, которая ноет до сих пор. Эта «строчка» так и не узнала, что у него родилась дочь. Не увидел, как его правнук, вот этот самый «мелкий» я, поступил в институт. Он отдал жизнь. За что? За абстракцию? Или за то, чтобы у его конкретной дочери было будущее?

— Вот именно, — голос Алексея накрыл все остальные, не повышая тона, но в нём зазвучала та самая сталь, что уничтожает любую софистику. Он смотрел прямо на Виктора, и его взгляд был тяжёлым, как гиря. — Давай разбираться по косточкам. Есть «государство» — это абстракция. Аппарат, чиновники, линии на карте, кусок ткани на флагштоке. А есть «страна» — это земля, реки, леса. И есть «народ» — это плоть и кровь. Конкретные люди. Которые смеются, плачут, рожают детей, пахнут землёю, жарят шашлык у костра в страшном лесу, потому что верят товарищам. Так вот, единственная законная цель, ради которой должно существовать государство — служить инструментом для улучшения жизни этих людей. Делать её безопаснее, справедливее, сытнее. Всё. А не использовать этих людей, как расходный материал, для раздувания своих мускулов и амбиций. Потому что любое «величие», любая «сила», построенные на костях и страданиях своих же граждан, — это не величие. Это патология. Это раковая опухоль. Любить Родину — значит любить её народ, её землю, её культуру. А вовсе не ненавидеть её врагов до самоуничтожения. И уж точно не готовить свой народ к закланию ради химер.

Виктор молчал. Он упрямо уставился в огонь, но было видно, как у него играют желваки на лице. Его идеи, такие стройные и пламенные в безопасной тишине его квартиры, здесь, в

лесу, под безразличными звёздами, наткнулись на простую, грубую, человеческую правду и дали трещину. Но не рухнули. В его глазах читалась не капитуляция, а глухая, оскорблённая убеждённость, ушедшая вглубь, в самое нутро. Он не был побеждён.

— Ладно, мужики, — Борода хлопнул себя по коленям. — Философия философией, а спать пора. Завтра тяжёлый день. Давайте-ка по палаткам, а то у костра до утра просидим, всех демонов перебудим.

Разговоры стихли. Люди начали расходиться, забираясь в спальники. Напряжение медленно спадало, сменяясь той особой, тягучей усталостью, которая бывает после серьёзного разговора. Но сон в эту ночь не принёс облегчения.

Алексей лежал на спине, глядя в брезентовый потолок палатки. Усталость от этого дня была смертельная, но сон не шёл. Мысли путались, возвращаясь к дневным событиям и вечернему спору. В какой-то момент он провалился в дремоту — не глубокую, а зыбкую, похожую на стояние в тёплой, мутной воде.

И тут же пришли видения. Не сон, а именно видения — слишком яркие, слишком реальные. Он стоял посреди леса, но лес этот горел. Огромные сосны полыхали, как факелы, земля под ногами была чёрной и маслянистой от копоти. Вокруг рвались снаряды, и свист осколков смешивался с криками на немецком языке. «Verflucht! Sie sind überall!» — орал кто-то в темноте, и автоматная очередь обрывала крик. Пахло горелой плотью, тротилом и железом.

Алексей хотел двинуться с места, но тело не слушалось. Он был здесь, но как будто не совсем — наблюдателем, призраком, вклеенным в чужой кошмар. И вдруг из дыма и огня прямо на него вышел человек. Высокий, в выгоревшей гимнастёрке, с автоматом ППШ на груди. Лицо его было в копоти и крови, но глаза — ясные, голубые, бесконечно уставшие и бесконечно живые — смотрели прямо сквозь Алексея.

Это был дед. Иван Волков. Алексей узнал его мгновенно, хотя никогда не видел живьём — только на пожелтевших фотографиях, которые бабушка хранила под стеклом в серванте.

Дед поднял руку и указал куда-то в сторону. Алексей проследил за его жестом и увидел в просвете между горящими деревьями очертания бетонных строений. Тех самых, которые они искали. Объект «Гранит».

— Там, — голос деда прозвучал отчётливо, хоть губ он не разжимал. — Они там. Не выпускай.

— Кого — их? — крикнул Алексей, но крик вышел беззвучным.

— Тех, кто не нашёл покоя. Но даже страшнее ИХ может быть то что ты найдёшь здесь. — ответил дед и указал пальцем себе на грудь, на сердце. — Сохрани человеческое здесь, и ты победишь. — И добавил, уже уходя, растворяясь в дыму: — Хоть ты не всех можешь спасти — но береги ребят. Особенно мальчика. Ему труднее всех.

Алексей рванул за ним, но провалился в пустоту, и через миг открыл глаза. В палатке было темно, рядом мирно посапывала Ольга. Только сердце колотилось, как бешеное, и запах гари, казалось, всё ещё стоял в ноздрах.

Одувану тоже не спалось. Он ворочался, в ушах стоял назойливый гул — отзвук дневных споров, треска костра, собственного страха. И сквозь этот гул, едва различимый на первых порах, начал просачиваться *шёпот*. Он исходил не извне, не из леса. Он рождался прямо в его черепе, обходя слух, обращаясь сразу к центру страха и тщеславия. Голос был сладким, бархатистым, убедительным, как лучший друг. *«Они не понимают... Они старые, испуганные, цепляются за свои жалкие, обособленные жизни... Ты моложе. Ты видишь больше. Ты чувствуешь, как тесно в этой клетке... „Не выделяйся“, „живи как все“... Это удел слабых. Слабаки боятся силы... Боятся величия, потому что не способны на него... А ты способен. Ты можешь быть больше... Мы видим в тебе искру... Ты хочешь, чтобы твоё имя значило что-то? Чтобы тебя не забыли? Чтобы перед тобой преклонялись?... Мы дадим тебе силу. Силу, перед которой они все — командир, этот хвостун Виктор, все — опустят глаза... Она рядом.*

Иди. Ищи. Протяни руку... Она уже ждёт тебя... Одуван зажмурился изо всех сил, закутал голову в спальник, пытаясь заглушить голос. Но тот лишь тихо засмеялся — звук, похожий на шелест ядовитых крыльев, — и умолк, оставив после себя не тишину, а жуткую, зияющую пустоту и жгучую, запретную мысль: «А что, если...»

Виктору снился сон иного рода. Он стоял в огромном, сумрачном зале. Стены его уходили в бесконечность, теряясь во мраке, но в центре, на возвышении, пульсировал ровным чёрно-фиолетовым светом огромный кристалл. Он манил к себе, обещая неведомую силу, власть над миром, над временем, над самой судьбой.

— *Подойди,* — голос шёл отовсюду и ниоткуда. — *Ты достоин. Ты видишь дальше других. Ты не боишься жертв.*

Виктор сделал шаг вперёд. И ещё один. Кристалл пульсировал всё сильнее, в его глубине зарождались и гасли миры.

— *Ты хочешь силы?* — спросил голос. — *Мы дадим тебе силу. Но за неё нужно платить. Платить тем, что дороже всего.*

— Чем? — шёпотом спросил Виктор.

— *Другими,* — просто ответил голос. — *Всегда другими. Таков закон. Сила не берётся из ниоткуда. Она всегда отнимается у кого-то. Ты готов отнимать?*

Виктор замер. Перед глазами всплыли лица сидящих у костра: спокойное, усталое — Алексея, добродушное — Бороды, серьёзное — Петра, колючее — Ольги, испуганное, но упрямое — Одувана.

— Они же... они свои, — прошептал он.

— *Ну и что? Каждый день умирают и рождаются миллионы.* — усмехнулся голос. — *Разве величие страны не стоит нескольких пустых, жалких жизней? Выбирай. Хотя я знаю, что ты уже давно выбрал.*

Утро они встретили не отдохнувшими, а вымотанными до глубины души. Лица у всех были серыми от недосыпа и внутренней борьбы. Никто не проронил ни слова о своих ночных встречах. Только Ольга, заваривая чай на скорую руку, поймала взгляд Алексея и едва заметно кивнула в сторону леса. Алексей понял: она тоже что-то видела там.

Борода пытался шутить, но шутки повисали в воздухе, не долетая до цели. Пётр молча собирал рюкзак, и в его движениях чувствовалась особая основательность человека, идущего на трудное дело.

Одуван же, напротив, был оживлённее обычного. Он помогал собирать лагерь, шутил с Чижом, но Алексей, присматриваясь к нему, заметил в его глазах странный блеск. Тот самый, который бывает у людей, принявших какое-то важное, судьбоносное решение. И сердце командира тревожно ёкнуло. Он вспомнил слова деда из ночного видения: «Береги ребят. Особенно мальчика. Ему труднее всех». Лишь Виктор был спокоен и сосредоточен, как впрочем и всегда.

Разговор за завтраком вёлся о банальном — о погоде, о проверке оружия, о маршруте. Но в воздухе висело общее, невысказанное понимание: ночь у костра стала для каждого ночью перед личной, экзистенциальной бездной. Лес не просто слушал их разговоры. Он впустил в них своих посланцев. Он провёл разведку боем. И теперь, с рассветом, им предстояло шагнуть вперёд, навстречу бетонным развалинам, которые ждали их уже много лет. Шагнуть — и, возможно, переступить ту черту, за которой обратной дороги уже нет.

Глава 11. Обитель Сумрака (1944)

Преследование уже давно перестало быть обычной погоней. Оно превратилось в медленное, выматывающее душу погружение в самые глубины безумия. Двое суток. Сорок восемь часов, в течение которых граница между реальностью и кошмаром истончилась, стала зыбкой, как плёнка льда над болотной трясинкой, готовая провалиться в чёрную, бездонную хлябь в любой миг.

Немцы из группы «Эдельвейс» не просто уходили — они растворялись. Они становились частью леса, его дымкой, его молчанием. Они оставляли после себя не следы, а намёки на следы: чуть примятую травинку у корня сосны, крошечный обрывок камуфляжной ткани на остром суку, запах — едва уловимый, чужеродный — табака, смешанного с чем-то химическим, лекарственным. Они двигались не по тропам, а по невидимой, внутренней карте, словно магнитная стрелка в их мозгу была настроена на одну-единственную точку в этой глуши. Сам лес, древний и немой, казалось, помогал им: мягкий мох мгновенно пружинил, скрывая отпечатки сапог; ветви, только что хлеставшие по лицам партизан, для них расступались; а холодная, липкая роса, густо осаждавшаяся к утру, смывала последние признаки их прохода.

Пейзаж вокруг был доисторически величественным и откровенно враждебным. Они пробирались по царству мёртвого леса. Бурелом, устроенный каким-то забытым ураганом, представлял собой кладбище гигантов: стволы сосен толщиной в два обхвата лежали, как сваленные кости исполинских ящеров, их выгнившая сердцевина зияла чёрными, сырыми пастями. Всё это хаотичное нагромождение смерти было густо оплетено молодым, но уже чахлым ельником, создававшим непроходимые, душные тупики, где воздух стоял неподвижно и пах плесенью, гнилью и тиной. Рядом, совсем близко, должно было быть болото: белесый, ядовитый туман стлался по земле, заволакивая даль, скрадывая звуки и оставляя на губах солёно-горький, тошнотворный привкус тления. Солнце, если и пробивалось сквозь двойной полог мёртвых крон и живых еловых ветвей, то редкими, косыми, холодными лучами-кинжалами, не приносящими ни тепла, ни надежды. Лес стоял в гробовой, абсолютной тишине, нарушаемой лишь натужным хрустом веток под ногами, шиплым, свистящим дыханием людей и редким, тревожным, насмешливым карканьем вороны — единственного живого существа, которое, казалось, наблюдало за этим шествием в преисподнюю.

Отряд «Смерч» двигался за немецким отрядом как тень, но тень тяжёлая, измождённая. Люди шли растянутой, рвущейся в нескольких местах цепочкой, каждый в своём коконе усталости, холода и нарастающей, подспудной, как зубная боль, тревоги. Она копилась с каждым часом, с каждым шагом вглубь этого зелёного, беззвучного ада.

Мирон Степаныч был его авангардом и его нервом. Его мощное, кряжистое тело, облачённое в выцветшую до серости и пропитанную потом гимнастёрку и такие же штаны-галифе, сливалось с буреломом, делая его частью ландшафта — суровой, неумолимой, как сам гранит. Лицо, обветренное и жёсткое, с сетью глубоких морщин, внешне было непроницаемой маской. Но под ней кипела работа: мозг, наученный годами лесной войны, безостановочно анализировал. Его тёмно-серые глаза, глубоко посаженные под нависшими бровями, сканировали местность с методичностью бухгалтера, проверяющего счёт: примятый мох здесь, неестественный скол коры там, отсутствие паутины между этими двумя стволами. Когда-то, в другой, бесконечно далёкой мирной жизни он и был бухгалтером в лесхозе. А сейчас стал стальным стержнем отряда, и он не посылал других вперёд — он сам вёл своих солдат. Но даже сталь, долго находясь под чудовищным давлением, начинает деформироваться. Давление этого леса, его зловещей, индифферентной пустоты, было именно таким.

За ним, в его мертвой зоне, двигался Иван Волков. Высокий, широкоплечий, он чувствовал себя в этом лесу снарядом, поданным к оружию неправильного калибра. Его движения,

прекрасно приспособленные для окопной жизни, здесь были слишком грубы, слишком громки. Его шинель цеплялась за каждую ветку, будто невидимые пальцы чащи тянули его назад, пытаясь удержать от рокового шага. Лицо, ещё сохранявшее черты молодости, было испещрено новыми, резкими складками — отпечатками времени в аду окружения и этого нового, ползучего кошмара. В его руках была не винтовка, а развёрнутая, истрепанная по сгибам карта и компас. Армейский компас «Андреанова». И его стрелка его *предавала*. Она не просто дрожала. Она замирала, указывая, казалось, прямо в центр земли под их ногами, а потом, с лёгким щелчком, поворачивалась на 180 градусов. Эта тихая измена привычного мира сводила его с ума сильнее, чем лязг затвора в засаде. Он был тактиком, пытавшимся наложить координатную сетку на абсурд. И абсурд эту сетку рвал.

— Опять как провалились в никуда, — хрипло, сдавленно выругался политрук Григорий, останавливаясь у голого, отполированного веками скального выступа, чёрного и влажного. Следы на нём обрывались, словно люди, их оставившие, шагнули в камень. — Как призраки, ей-богу. Или водят нас по кругу, чтобы с ума свести.

Ефим, старый охотник-промысловик, шёл бесшумно, как призрак. Его стоптанные сапоги казалось, не касались земли, а лишь ласково ощупывали её. Но в его глазах, похожих на две чёрные, блестящие на свету смородины, читалась не усталость, а глубокая, первобытная жуть, знание, идущее из самой крови, из костей этих мест. Он то и дело бормотал что-то неслышно, крестясь широким, староверческим крестом и с силой сплёвывая через левое плечо, отгоняя «незваных, нездешних, что под землёй шевелятся». Он один по-настоящему понимал язык этого леса — не язык деревьев, а язык тишины между ними — и боялся его больше, чем немецкого фаустпатрона.

Сашка, паренёк с пухом на щеках, старался изо всех сил. Он выпрямлял спину, бодро шагал, пытаясь казаться «бывалым». Но его глаза, слишком часто и пугливо, метались по сторонам, а тонкие пальцы, ещё не познавшие настоящей мужской работы, нервно теребили ремень своей «мосинки». Он был юн, и этот лес, полный невидимой, иррациональной угрозы, давил на его психику, как тиски, выжимая слёзы отчаяния, которые он стогнал яростным морганием. Ему хотелось закричать, выстрелить, сделать что угодно, лишь бы разорвать эту давящую, живую тишину.

Матвей — «Медведь», бывший тракторист, здоровенный детина, шёл, переваливаясь, как бурый хозяин тайги. На его могучих плечах висел не просто пулемёт ДП-27, а символ его долга — самое тяжёлое и самое важное. Эта немая, тягучая погоня, где врага не видно, выматывала его сильнее часового боя в чистом поле. Ему нужно было видеть цель, чтобы приложить к ней свою богатерскую силу. А здесь сила была бесполезна.

Иван наконец оторвался от своего безумного компаса и подошёл к Григорию и Мирону, которые, присев на корточки, безуспешно вглядывались в каменную стену, ища хоть какую-нибудь зацепку.

— Смотрите, — голос Ивана был хриплым от недосыпа и напряжения, но в нём проби- валась стальная нить уверенности. Он разложил карту прямо на мокрым мхе. — Все их зигзаги, все петли, все эти «исчезновения»... Они системны. Я прикинул маршрут. — Его грязный палец прочертил по бумаге ломаную, но неумолимую линию. — Они ведут сюда. — Палец упёрся в небольшое, едва заметное пятно, обозначенное на дореволюционной карте старославянскими буквами: «*урочище Обитель Сѣмрака*». Рядом чья-то рука, возможно, картографа, а может, такого же несчастного охотника, вывела химическим карандашом: «*По старѣйшимъ прѣданіямъ — гиблое мѣсто, духовъ нечистыхъ пристанище, не ходить.*» Возможно именно про это место и говорили местные легенды. Возможно, именно там и располагалось то древнее капище.

— Бредни деревенские, сказки для страха, — пробурчал Григорий, но в его голосе не было прежнего апломба, лишь усталое, выжженное раздражение. Он снял пилотку, провёл

ладонью по взмокшим, слипшимся волосам. Его вера в материальность мира трещала по швам с каждым часом.

В этот момент с правого фланга, где шёл Сашка, раздался звук. Негромкий, сухой, чёткий щелчок, похожий на ломающуюся ветку. И сразу за ним — приглушённый, вырвавшийся из самого нутра вскрик. Не крик боли. Крик чистого, животного ужаса.

Тело сработало само, рефлекторно, выдрессированное месяцами войны. Все партизаны как один, повалились на землю. Вжались в мох, за камни, за стволы. Сердца, уже измученные, заколотились, пытаясь вырваться из груди. Прошло три секунды молчания. Пять.

Иван поднял голову. Сашка стоял у огромной валежины, покрытой ярко-зелёным мхом. Он был блее снега, его рот был открыт в беззвучном крике, глаза выпучены, полные слёз. От его ноги к двум деревьям уходила тонкая, блестящая на свету стальная проволока. А у самого ствола, искусно замаскированная под безобидный комок хвои и лишайника, висела ручная граната-«лимонка». Чека была выдернута. Ударник щёлкнул.

И граната не взорвалась. Брак. Случайность. Чудо.

Паренёк не двигался, застыл в позе человека, уже увидевшего свою смерть. По его вискам и щекам текли крупные, солёные капли пота.

— Видишь? — прошипел Иван, не отрывая глаз от Григория. Его пальцы впились в карту, готовые разорвать её. — Это не просто отход. Они рубят хвосты, боятся что кто-то может пойти за ними. Значит именно это нам и надо сделать. Что бы они там не искали. В конце концов — РККА мы или кто?

Григорий поднялся. Он смотрел не на бледного Сашку, а на эту смертельную железяку, висящую на проволоке. В его глазах, обычно умных, ироничных, теперь горел холодный, безжалостный огонь ненависти. Весь его скепсис, всё интеллигентское высокомерие сгорели в этом пламени. Остался только солдат, увидевший грязную, подлую игру врага.

Мирон Степаныч медленно, с трудом, будто его кости были из свинца, поднялся во весь рост. Его лицо было не просто каменным. Оно было ликующим в своём мрачном решении. Все сомнения отпали.

— Ладно, лейтенант, — произнёс он, и его голос звучал как скрежет камня о камень. — Веди. К своей «Обители». К чёртовой матери. Но смотреть во все глаза. Уши — на макушке. Если они устроят засаду на господствующих высотах... — Он не договорил. Все и так всё понимали.

— Тогда мне не придётся краснеть перед твоими орлами, — горько, без тени юмора, сказал Иван. — Потому что нас всех уже не будет. И мы оба это понимаем.

Он свернул карту, спрятал её в широкий карман галифе, рядом с ледяным обломком чужого металла. Точка «Обитель Сжмрака» перестала быть легендой. Она обрела своё название, стала географическим фактом, координатами их возможной гибели. Гигантской, древней ловушкой, расставленной самой природой или чем-то похуже. И они, и те, кого они преследовали, неслись к ней с неумолимостью падающих камней. Ветер, гулявший по верхушкам мёртвых сосен, нёс с собой запахи: хвои, болотного зловония, холодной оружейной стали и первобытного, всепроникающего страха. Они уже почти чувствовали на своих лицах её ледяное, каменное дыхание.

Часть 2. Тени прошлого

Глава 12. Врата в иной мир

Вход на территорию объекта «Гранит» ребята нашли уже под вечер, в сумерках. Да и нашли почти случайно, и это был жестокий удар по их страйкбольной гордости, по всем их разговорам и следопытским навыкам. Оказалось, что с неработающим GPS ориентироваться в лесу Карельского перешейка без выраженных ориентиров типа дорог и просек очень сложно, и можно целый день блуждать без всякого результата. Если бы не упорство Алексея, вцепившегося в выцветшие линии дедовой карты, и не сверхъестественная точность прорисовки местных ориентиров, будто нанесённых рукой, знающей будущее, они бы прошли мимо. Приняв вход за обычный, ничем не примечательный склон древнего моренного холма, поросшего сосной и ольхой.

Тот, кто проектировал этот вход, мыслил категориями не лет, а столетий. Это были не ворота. Это была часть ландшафта, его злокачественная опухоль. Массивный бетонный портал, вмурованный в каменное основание холма, был скрыт под многометровым, нанесённым искусственно слоем грунта. На этом грунте за десятилетия выросли настоящие, взрослые деревья — корявые сосны, берёзы, их корни, как сети, опутали бетон, создавая настоящую природную маскировку. Сами ворота — две исполинские, многотонные створки из толстой стали, рассчитанной на прямое попадание танкового снаряда — теперь представляли собой единый, покрытый бурой чешуёй окислов и чёрными подтёками конгломерат. Время, вода, морозы Карелии сделали своё дело. Но щель, зиявшая между одной из створок и бетонным полом, была неестественной. Она была не просто результатом коррозии. Она была неровной, рваной, будто её не разъело, а вырвало изнутри колоссальным давлением. Высота — чуть больше метра, ширина — чтобы протиснуться боком, задержав дыхание. Чёрная пасть, глотающая свет.

— Ничего себе, — тихо, с профессиональным, почти любовным чувством присвистнул Борода, проводя рукой в перчатке по стыку стали и камня. — С воздуха — часть склона. Со спутника — лесной массив. С земли — бурелом. Это не просто военная часть, командир. Это практичекси капсула времени. Предки строили на века. Рассчитывая на то, чтобы туда никто не попал. Или всё, что внутри, осталось внутри навсегда.

Команда в полной боевой выкладке, с касками на головах и оружием в руках, замерла у чёрного провала. Алексей чувствовал, как у ребят загораются глаза азартом первооткрывателей, но его собственное сердце билось с иным ритмом — тяжёлым, тревожным, отстукивающим отсчёт. Игра кончилась. Они стояли на пороге настоящей тайны, только пахла она не романтикой, а озоном короткого замыкания, сладковатой гнилью горелой изоляции и чем-то неуловимо древним, сухим и холодным, словно дыхание распечатанного саркофага.

— Внимание на меня, — голос Алексея прозвучал чётко, перекрывая нарастающий гул в ушах. — Проползаем по одному. Без паники, без давки. Я первый. За мной — Олег. Интервал — пятнадцать секунд. Замыкающий — Сергей. Все будьте в готовности.

Он подошёл к щели. Чёрный прямоугольник казался живым и пульсирующим. Сделав неглубокий вдох, он пригнулся и нырнул внутрь.

Холод. Не просто сырость, а пронизывающий, цепкий холод старого бетона и стали, ввевшийся в сам материал. Темнота была абсолютной, густой, словно физическая субстанция. Он прополз метр, другой, чувствуя, как рюкзак скребёт по бетону, а разгрузка цепляется за рваные края металла. Ещё один рывок — и пространство вокруг него разом расширилось, сменившись ледяной пустотой.

Он выкатился внутрь, вскочил на одно колено, вскидывая карабин. Луч налобного фонаря, дрожащий, как шпага, прорезал сумерки.

— Всё чисто, — его голос, отдавшийся многократным, глухим эхом, прозвучал в радиии, искажённый помехами, будто проходя сквозь толщу воды. — Проход узкий, внимание на выступ справа. Олег, двигай.

Олег, тяжело дыша, последовал за ним. Он с трудом протиснулся в щель, толкая перед собой рюкзак. На секунду показалось, что сталь сомкнётся, заживо похоронив его в этой каменной утробе. Адреналин ударил в голову, он рванул вперёд — и вывалился внутрь, подняв клубы вековой пыли, закрутившейся в луче фонаря, как споры неведомого гриба.

И его взору открылся иной мир.

Широкая, как взлётная полоса, главная аллея из потрескавшегося, разломанного корнями деревьев бетона уходила вглубь, под сень искусственного холма-купола. По бокам, словно декорации к спектаклю о конце цивилизации, стояли полуразрушенные здания. Казармы с выбитыми окнами-глазницами. Склады с провалившимися крышами. КПП, где ещё висел перекошенный шлагбаум, облезлый от времени. Всё было выдержано в мёртвой, утилитарной палитре: грязно-серый бетон, болотная зелень краски, угольно-чёрные провалы дверей. Стены покрывали не только морщины трещин, но и яркие, идиотские граффити сталкеров — последний писк человеческого «я был здесь» перед лицом абсолютного забвения. Но главным было не это. Главным была тишина. Не отсутствие звука, а его поглощение. Звук здесь умирал, не успев родиться, всасываясь пористой, ненасытной материей места. Дыхание отдавалось в ушах оглушительным рокотом.

Один за другим, как через игольное ушко, протиснулись остальные: Виктор с каменным лицом, Ольга с прижатым к себе карабином, «Борода», даже Одуван... Каждый, выходя, замирал на секунду, подавленный масштабом молчаливого плаца.

Следующим в очереди был Чиж. Самый юный, самый впечатлительный. Он уже нервно переминался с ноги на ногу, его взгляд, полный суеверного страха, был прикован к чёрному зеву.

— Давай, Чиж, соберись! — подбодрил его сзади Сергей, но в его голосе тоже звучало напряжение.

Чиж кивнул, судорожно сглотнул. Его лицо в свете фонарей было бледным, восковым. Он сделал неглубокий, прерывистый вдох и рванулся вперёд, в темноту.

И тут случилось необъяснимое.

Алексей, стоявший в двух шагах от внутренней стороны щели, видел это своими глазами. Чиж, уже почти целиком скрывшийся в проёме, пропал. Его спина, его камуфляж, очертания рюкзака — всё вдруг потеряло чёткость, заструилось, как изображение на старом телевизоре, искажённое помехами. Края силуэта поплыли, растворились в темноте тени, как будто сама материя потеряла связность. И бесшумно. Совершенно бесшумно. Он не крикнул. Не шаркнул ногой. Просто испарился.

— Чиж?! — рявкнул Алексей, делая рывок к щели. Его голос, гулко отразившись от бетона, утонул в давящей тишине. Внутри прохода была только густая, непроглядная тьма и леденящий холод.

Воздух и даже эфир в рациях взорвался, перекрытый шипящими помехами.

— Где он?! — Провалился?! — Чиж! Отзовись! «Вепрь-8», приём!

Прошло пять томительных секунд. Десять. Пятнадцать. Тишина сгущалась, становясь осязаемо-враждебной. Ольга бесшумно сняла карабин с предохранителя, её взгляд, острый как бритва, сканировал щель, потолок, стены. Виктор стоял неподвижно, но его глаза были прищурены, в них горел не страх, а лихорадочный, аналитический азарт.

И тогда, так же внезапно, как исчез, Чиж появился.

Он не вышел из щели. Он материализовался в полуметре от неё, в воздухе, и грузно рухнул на бетонный пол, как кукла с перерезанными нитками. Звук падения был глухим и каким-то жутким в этой тишине.

— Господи... — простонал он, хватая ртом воздух, будто вынырнув из ледяной бездны.

Он был цел. Физически. Но его лицо было бледное, а губы посинели. Глаза смотрели в никуда, широко раскрытые, застилаемые шоком абсолютного, нечеловеческого переживания. Чиж лежал на бетоне, трясясь и глотая воздух, как выброшенная на берег рыба. Все замерли в шоке. Первым к нему рванул Олег — не Алексей, не Ольга, а именно Олег, всегда державшийся на дистанции. Он опустился на колено, придержал Чижа за плечо, не давая ему биться о пол, и сказал коротко, но твёрдо:

— Дыши. Медленно. Я рядом.

Чиж посмотрел на него мутными глазами, попытался что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Олег вытащил флягу, протянул:

— Пей. Маленькими глотками.

Все смотрели на эту сцену с удивлением. Олег обычно держался отдельно, холодно, почти отстранённо. Но сейчас в его движениях чувствовалась та самая забота, которую он прятал за маской безразличия. Маша стояла чуть поодаль и смотрела на него — и в её глазах мелькнула маленькая, тёплая искра, которую она поспешила погасить.

— Чиж! Ты меня слышишь? — Алексей тоже рухнул перед ним на колени, хватая за плечи. Кожа под его пальцами была ледяной. — Что случилось? Ты ранен?

Тот медленно, с трудом, будто шестерёнки в его мозгу сцепились не теми зубцами, перевёл на него взгляд.

— Я... я... — его голос был хриплым шёпотом, едва различимым. — Там... не темно...

Он замолчал, сглотнув слюну, и его взгляд снова ушёл внутрь, в тот кошмар, который он только что пережил.

— Что ты видел, Денис? — тихо, но с неумолимой настойчивостью спросила Ольга, присев с другой стороны. Её голос, спокойный и ровный, казалось, был единственной нитью, связывающей его с реальностью.

— Песок... — прошептал Чиж, и в его глазах отразилось жёлтое, выжженное солнце. — Горячий песок. Белый. До горизонта. И небо... небо не голубое. Жёлтое. Яркое, мёртвое, как натриевая лампа. И ветер... он не шумел. Он выл. Одиноко. Так, будто он единственный живой во всей этой... пустоте. А потом... — он содрогнулся, — ...ветер стих. И наступила тишина. Но не такая, как здесь. Абсолютная. Без эха. Без своего сердцебиения. И... холод. Не как зимой. Космический холод. Он шёл изнутри. Из костей.

Он поднял руку, потрогал своё лицо, как бы проверяя, цело ли оно, из той ли плоти, что было минуту назад.

Алексей отвёл взгляд, встал. Его колени слегка подкашивались. Он отошёл к ближайшему бетонному столбу, поросшему лишайником. Провёл ладонью по шершавой, холодной поверхности. Обычный советский бетон, крошащийся от времени, вернул ему чувство реальности.

— Всем слушать! — его голос прозвучал резко, металлически, заглушая собственный страх. Он обернулся к команде. В глазах ребят читалась паника, едва сдерживаемая дисциплиной. — Осматриваем территорию! Группы по три человека! Не расходиться! Виктор, Борода — со мной. Олег, Маша — вы с Чижом, отводите его в тень у стены, дайте воды, не отпускайте. Сергей, Ольга, Одуван — третья тройка, Барс, Гном, Папаша — четвёртая. Рации на втором канале. Контрольный вызов каждые десять минут. И... — он сделал паузу, глядя на бледное, потерянное лицо Чижа, — держитесь вместе. Смотреть под ноги. Никакой самостоятельности. Это приказ.

«Одуван», он же Денис, засеменил следом за Сергеем и Ольгой, чувствуя знакомый, горький комок унижения в горле. Его снова определили в «общую» группу, прислонили к взрослым, как ребёнка. Он шёл позади, и его обострённое, обидчивое сознание выискивало каждую деталь, подтверждающую его незначительность.

«Идут впереди, спина к спине, как в кино. Сергей — гора, Ольга — как его тень. А я... как щенок на поводке. „Смотри, Одуван, под ноги“. „Держись, Одуван, рядом“. Да я могу больше! В тире у меня лучший результат! Карту местности я выучил наизусть, пока „Борода“ с мотором возился! Но они видят только дату в паспорте. Вечно я для них „молодой“, „необстрелянный“... Вечно на подхвате.»

Первое, что открылось их взглядам по мере продвижения вглубь территории, — это пустые глазницы ракетных шахт. Огромные, уходящие в сырую, чёрную бездну бетонные стаканы. Они зияли пустотой, как могилы для стальных исполинов, которые так и не взлетели. По стенам — ржавые, облезлые лестницы, ведущие в никуда. Остатки поворотных механизмов, заклинивших навеки. Вид их внушал не просто трепет, а глубокий, почти экзистенциальный ужас — здесь хранили консервированный Судный день, и Судный день отсюда ушёл, оставив после себя лишь ржавчину и тишину.

— Ракетная позиция, всё логично, — прокомментировал Виктор в рации, его голос, усиленный эхом, гулко и неприятно разнёсся из шахты, куда он заглянул. — Но обратите внимание на эти строения.

Он указал лучом фонаря на несколько низких, приземистых, словно вжавшихся в землю от страха сооружений, встроенных прямо в тело холма. Их архитектура была чужеродной. Никаких утилитарных прямоугольников. Скошенные стены, массивные стальные двери со штурвалами, как у банковских хранилищ или шлюзовых камер подлодки. Крошечные, забраные толстой арматурой окна-бойницы под самой линией крыши. Стены покрыты следами мощной, многослойной изоляции — свинцовые листы, слои бетона с какими-то вкраплениями.

Дверь одного из таких бункеров была приоткрыта. Не взломана, а именно приоткрыта, будто кто-то вышел и не закрыл за собой. Из чёрной щели тянуло запахом — сложным коктейлем из старой плесени, окисленной меди, пыли и чего-то ещё, сладковато-химического, чуждого, как запах чужой планеты.

Фонари, словно скальпели патологоанатома, вскрыли темноту. Лучи выхватывали из небытия странные, застывшие формы: огромные стеклянные колбы, оплетённые змеевиками медных трубок и остатками хрупкой, почерневшей изоляции; пульта управления с непонятными шкалами, где стрелки замерли не на нуле, а в произвольных, бессмысленных положениях, а обозначения были не в вольтах или амперах, а в неизвестных символах и греческих буквах; в углу, как скелеты доисторических животных, лежали стопки бумаг, пожелтевших до цвета пергамента, испещрённых графиками, чертежами и сложными, пугающими своей инаковостью формулами.

«Вот бы найти что-то... что-то настоящее,» — пронеслось в голове у Одувана, пока Ольга и Сергей с осторожностью, будто на минное поле, переступали порог. «Не какой-нибудь ржавый болт. А ключ. Шифр. Прибор, который они не понимают. И разгадать его. Или включить. И тогда все обернутся. И „Борода“ скажет: „Да как же мы без тебя, Денис, раньше думали?“, а командир не похлопает по плечу — он посмотрит с уважением. Да что там командир... Маша посмотрит. Не как на пацана. А как на равного. На героя, который спас положение...»

— Что это, чёрт возьми, такое? — удивлённо пробормотал «Борода», проводя пальцем по пыльной панели одного из приборов и оставляя на ней чистую, зияющую полосу. — Лаборатория? Целый корпус? Здесь, на ракетной базе? Что они тут делали? Какие-то... опыты?

— Похоже, что не только ракеты хранили, — озадаченно проговорил Алексей. Он подошёл к столу, заваленному бумагами. Среди засекреченных в СССР, но известных сейчас схем ракет Р-12У и систем наведения мелькали совершенно иные эскизы. Полусферические объ-

екты, напоминавшие гигантские линзы. Чертежи, похожие на схемы резонансных камер или антенн невиданной, иррациональной конструкции, где геометрия, казалось, подчинялась иным законам. — Смотри, какой странный символ.

На краю одного из чертежей, рядом с грифом «ОВ» (Особой важности) и шифром объекта «Гранит», был оттиснут, словно печать, тот самый ломаный, угловатый знак. Стилизованный глаз, кристаллическая снежинка, пентаграмма не из этого мира. Они не знали, но именно этот символ увидели на карельской земле в 1944 году партизаны отряда «Смерч».

И в этот момент голос Сергея прошипел в рации. В нём смешались нервный, сдавленный смехок и нарастающая паника:

— Командир, тут такое творится... Мой компас... он совсем с ума сошёл. Крутится, как волчок, будто север находится сразу везде и нигде. И... вы не поверите. Фотки...

— Какие фотки? — резко спросил Алексей, чувствуя, как у него холодеют кончики пальцев.

— Только что... селфи с ребятами у шахты сделали для отчёта... а на экране... — голос Сергея дрогнул, — ...лиц нет. Одни каски, да фон. Пустые каски. Будто мы... будто мы тут призраки. Нас и нет.

Алексей почувствовал, как по спине, позвонок за позвонком, пробежала ледяная волна. Он посмотрел на Виктора. Тот стоял бледный, но как будто не от страха. От напряжённого, болезненного сосредоточения. Он смотрел на экран своего защищённого, армейского планшета.

— Подтверждаю, — тихо, почти беззвучно, но с чёткой дикцией сказал Виктор. Он повернул экран. На фотографии, сделанной у входа в этот лабораторный корпус, было запечатлено трое: он, Алексей, «Борода». Но там, где должны были быть их лица, зияли размытые, светло-серые, абсолютно однородные пятна. Не тени, не блики. Пустота. Будто невидимый цензор взял инструмент «заливка» в графическом редакторе и тщательно, дочиста, стёр их личности, оставив лишь пустые, безликие силуэты.

И в наступившей после этого гробовой тишине, гул вернулся. Но теперь он был не снаружи. Он поднимался изнутри. Из глубины черепа, из костей, из самого сердца. Низкочастотный, вибрирующий, на грани слышимости, но от этого ещё более жуткий. Лес за бетонными стенами стоял в неестественной, мёртвой тишине, будто прислушиваясь к этому гулу вместе с ними, затаив дыхание.

Игра окончательно кончилась. Начиналось нечто другое. Неизвестное. А где-то в глубине сознания Одувана, словно эхо, прозвучал тихий, вкрадчивый шёпот: *«Показать им... что ты не просто щенок... Показать им всем...»*

Глава 13. Солдатская доля (Унтер-офицер Хуберт)

Лес давил на них сырой полутьмой. Стволы елей, облепленные лишайником, казались колоннами давно забытого храма, уходящими в тяжелый, свинцовый потолок неба. Туман клубился в низинах, густой, как пар над котлом, и лес утонул в этом молоке, теряя очертания. Шагов двенадцати человек, обутого в практичные, разношенные горные ботинки, почти не было слышно. Лишь редкий приглушённый стук металла об металл, скрип набухших от сырости кожаных ремней, да едва уловимое шуршание камуфляжной ткани о ветви. Отряд егерей «Эдельвейс» двигался натренированной, экономной походкой, колонной, растянутой на три десятка метров, как стая волков на охоте. Но сегодня охота была иной. Они не преследовали добычу. Они шли на встречу с чем-то, что не имело имени.

В начале колонны, сразу за головным дозором, шёл унтер-офицер Мартин Хуберт. Его взгляд, выцветший от бессонных ночей и слишком многих рассветов, встреченных в бою, скользил по стволам деревьев, участкам бурелома, скальным выходам, выискивая не следы врага, а признаки той иной, древней опасности. Рука, которая когда-то сжимала слесарный молоток в дюссельдорфской мастерской, а не рукоятку новейшего автомата «Штурмгевер», время от времени поднималась, замирая в воздухе, — чёткие, отточенные жесты, понятные его людям без слов. Стоп. Осмотреться. Слушать. Чувствовать.

Холодный дождь сек по щекам унтер-офицера, словно пытаясь смыть с него не грязь, а само это место — чашу, пропитанную запахом гнили, медной крови и векового страха. Он прислонился к стволу тёмной, огромной ели, игнорируя леденящий озноб, проникший сквозь сукно куртки и камуфляжный цельтбан, и закурил. Пламя зажигалки осветило на мгновение его лицо: запавшие глаза цвета мокрого асфальта, жёсткие, как корни, морщины вокруг рта, отпечаток трёх лет войны на Востоке — войны, которая давно перестала быть войной за фюрера и рейх. Теперь это была война за выживание. Метр за метром, дерево за деревом, против невидимого, безумного врага, которым стал сам этот лес.

— Herr Unteroffizier, — тихо окликнул его ефрейтор Штайнер, поднося котелок с жидкой бурдой, в которой плавали жалкие крупинки ячменя. — Компас... опять сходит с ума. Стрелка крутится, как пьяная.

Хуберт кивнул, не отрываясь от наблюдения за чашей. Их компас, их часы, их чувство направления — всё это становилось ненадёжным вблизи той долины, куда вёл их штурмбан-фюрер Келлер. Его подручный из «Аненербе», доктор Хирш, бормотал что-то о «магнитных аномалиях» и «геопатогенных зонах». Но Хуберт видел, как дрожат руки у доктора, когда тот сверялся со своими мистическими картами, испещрёнными рунами и значками, от которых веяло ледяным сквозняком из глубин истории.

И зачем мы здесь, чёрт побери? — мысль, навязчивая и неуместная, как шорох в тишине, снова и снова возвращалась к нему, сверля висок. В этой русской глухомани, где даже птицы замолкают, почуяв неладное. Мы — горные егеря. Наше место — в Альпах, в Норвегии, на скалистых гребнях, где врага видно за километр. А не в этом зелёном, беззвучном аду, где каждый куст может скрывать не снайпера, а нечто похуже.

— Шмидт, — Хуберт не оборачиваясь, откинул голову назад, голос его был низким, прожжённым от команд и табачного дыма. — Слева, у валежины, что под елью. Видишь просеку? Идеальный коридор для флангового обхода. Ставь «яйцо» на высоте пояса. Проволоку под лишайник, не под мох.

— Яволь, герр унтер-офицер! — тихий, как шелест листвы, отклик донёсся сзади.

Они хорошие парни, — думал Хуберт, наблюдая, как сапёр Шмидт, сын данцигского портового грузчика, бесшумно отходит в сторону, сняв с пояса смертельный груз. Профессионалы. Выжили в норвежских фьордах, где ветер сдирает кожу, в итальянской грязи и в этих

проклятых, бесконечных русских лесах. И за что? Чтобы кончить в этой богом забытой дыре, охраняя какого-то учёного-фанатика, который бормочет себе под нос и смотрит сквозь тебя, как сквозь стекло?

Он вспомнил свой последний разговор с майором Фридрихом в штабе группы армий «Север». Кабинет, пахнувший дорогой кожей, дешёвыми сигарами и страхом, который уже не скрывали, как неприличную болезнь. Майор, обычно невозмутимый, как прусский памятник, нервно тербил перо, его лицо было серым от бессонницы и плохих известий с фронтов.

— Хуберт, задание особой важности. Вы и ваш отряд подчиняетесь штурмбанфюреру СС Келлеру. Безоговорочно. Обеспечить его безопасность и выполнение миссии. Но... — майор понизил голос, будто боялся стен, а может, и собственных слов, — человек он... не от мира сего. Из «Аненербе». Ищет какие-то «источники силы» для Рейха. Бред сумасшедшего, конечно. Но приказ из самого Берлина. Лично от рейхсфюрера. И... — он сделал паузу, посмотрев Хуберту прямо в глаза, — будь осторожен, Мартин. С ним. И с тем, что он ищет. Я не шучу. Были... сообщения. С предыдущих экспедиций. Люди сходят с ума. Или исчезают. Не от пуга.

«Будь осторожен». Странная оговорка от штабной крысы, который обычно бросал людей в мясорубку с лёгким сердцем, прикрываясь долгом и необходимостью. Обычно звучало «выполнить любой ценой». А тут — осторожность.

— Мюллер, Вайс, боковой дозор. — Хуберт жестом, отточенным в сотнях патрулей, указал двум егерям на фланги. — Дистанция пятьдесят метров. Никакого курения, никаких разговоров. Докладывать о любом движении. О любом.

— Так точно.

Любое движение. А если это движение будет не человеческим? Хуберт вспомнил их первую ночь в этом лесу. Кошмары. Не просто сны, а ощущение, будто кто-то холодный и невыносимо тяжёлый сидит у тебя на груди и смотрит в душу, выискивая что-то, роясь в воспоминаниях, как в старом сундуке.

Из глубины леса донесся звук. Не резкий, а низкий, протяжный, будто кто-то провёл смычком по струне, натянутой между небом и землёй. Мурашки побежали по спине Хуберта. Все замерли. Даже дождь, казалось, стих на секунду, прислушиваясь.

— Das Bärenmonster... — прошептал кто-то в строю.

Медведь-оборотень. Так они прозвали «это». Месяц назад на аванпост напало существо. От медведя — размер и сила, от человека — какая-то интеллектуальная, хищная жестокость в движениях. Оно утащило двух часовых. От них нашли лишь клочья формы и разбитые карабины, стволы которых были... скручены, как будто они были тонкой проволокой. И следы — не звериные, а двуногие, но с неестественно длинным шагом и глубоким, словно вбитым в землю отпечатком.

Келлер, однако, не испугался. Его холодные, светло-серые глаза лишь вспыхнули живым, почти любовным интересом. «Не монстр, — сказал он тогда, и в его голосе звучала странная, певучая убеждённость. — Страж. Знак, что мы на верном пути. Там, где миф становится плотью, рождается новая мощь для Германии. Мощь, которая сметёт всё старое и гнилое».

Хуберт затушил окурки о грубый подбитый гвоздями каблук сапога. Мощь. Ему была нужна не мощь, а банка тушёнки, пара сухих шерстяных носков и чтобы этот чёртов лес остался позади. Но приказ есть приказ. А Келлер... с Келлером спорить было себе дороже. Он был не просто офицером СС. Он был фанатиком с тихим голосом и взглядом, который, казалось, видел не тебя, а что-то сквозь тебя, что-то, стоящее за твоей спиной в мире теней.

Он бросил последний взгляд в непроглядную тьму между деревьями. Там, в крошечной черноте, на миг мелькнули два огонька. Не зелёных, как у волка, а тускло-жёлтых, как угасающие угли, полные древнего, безразличного ума. И исчезли.

— Краузе, — Хуберт кивнул пулемётчику, бывшему баварскому фермеру, у которого были такие же светлые, честные глаза, как у его коров, которых он, наверное, уже никогда не увидит. — Привал через десять минут. Не растягиваться, всем быть в пределах видимости.

— Яволь, герр унтер.

Хуберт медленно взвёл затвор своего StG-43. Звук был твёрдым, металлическим, единственной ясной вещью в этом тонущем мире безумия. Поймал вылетевший из патронника патрон — тот самый промежуточный — и стал крутить его в пальцах. Солдатская доля — стоять на краю бездны и делать вид, что не заглядываешь в неё. Но он-то заглядывал. И бездна смотрела на него. И в её взгляде не было ни ненависти, ни гнева. Было лишь холодное, терпеливое ожидание.

1944-й год. Чёрт возьми, 1944-й. Он посмотрел на своих солдат, на их худые, загорелые, обветренные лица, на руки с посиневшими от холода пальцами, привычно лежавшие на холодном металле оружия. Они всё ещё были бойцами, элитой. Но элитой с тонущего корабля, который уже набрал воду и медленно, с тяжёлым скрежетом, идёт ко дну. Союзники высадились в Нормандии, открыв второй фронт. На Востоке русские, эти неиссякаемые, страшные в своей ярости орды, которых пропаганда так долго называла «недочеловеками», гнали их на запад, как тараном, не считаясь с потерями, заполняя трупами рвы и реки. Каждую ночь армады союзных бомбардировщиков превращали в пыль и пепел немецкие города, стирая с лица земли память о тысячелетней культуре. Его родной Дюссельдорф... он даже не знал, осталось ли там что-то от его дома на тихой улочке возле Рейна, от завода, где он с любовью работал слесарем, от маленькой пивной, где он в тридцать третьем, молодой и полный надежд, с поднятой рукой, с восторгом слушал речи нового канцлера, обещавшего работу, хлеб и национальное возрождение.

Мы хотели работы, хлеба и величия, — с горькой, едкой иронией подумал он, продираясь сквозь колючий кустарник. И мы их получили. Работу — убивать. Хлеб — из скудных, всё ухудшающихся пайков, наполовину состоящих из эрзацев. А величие... величие обернулось вонью горящей человеческой плоти, нескончаемым потоком цинковых гробов с Востока и рёвом «летающих крепостей» в ночном небе. Величие оказалось трупом, раздувшимся и почерневшим, лежащим в окопе, который ты делишь с ним.

— Сменить часовых, — хрипло скомандовал Хуберт, и его голос прозвучал грубым и реальным в этом тонущем мире бреда. — Через десять минут выдвигаемся. К завтрашнему утру должны быть у цели.

Ради чего всё это? Вопрос, который он давно перестал задавать вслух, грыз его изнутри, как червь, точивший сердцевину дуба. Ради победы? Победы уже не будет. Любой, у кого есть глаза и хоть капля мозгов, не ослеплённая пропагандой, понимает это. Максимум можно надеяться на чудо, на раскол коалиции, на почётный мир. Но цена? Цена уже заплачена такая, что никакой мир не будет почётным. Горы трупов по всей Европе. Сожжённые дотла деревни. Лагеря... О лагерях он старался не думать. Слухи ходили тёмные, страшные, и он отмахивался от них, как от мух: пропаганда врагов, ложь. Но в глубине души, в том самом месте, где живёт стыд, он знал — где-то есть правда, и она страшнее любой лжи. Солдат не должен думать. Солдат должен выполнять приказ. Но он уже не мог не думать. Он был не слепым орудием в руках государства, а человеком, сыном рабочего, который искренне верил, что строит лучшее будущее для своей страны, а теперь с холодным, тошнотворным ужасом понимал, что его страну, его народ ведут в пропасть безумцы и фанатики, для которых человеческая жизнь — не более чем цифра в отчёте или топливо для их химер.

Рядовой Мюллер, — вспоминал он, глядя на то как Краузе пытается развести огонь под растянутой плащ-палаткой. Умер от дизентерии три недели назад. Ганс Фогель. Погиб в перестрелке с партизанами у реки. Вальтер Кляйн. Просто не проснулся однажды утром. Сказали — сердце. Ввали. Просто исчезнувший прошлым утром радист Торстейн.

Их группа «Эдельвейс», прикомандированная к «Аненербе», таяла не от пуль, а от этого леса. Леса, который смотрел на тебя миллионом чёрных глаз в сумерках и дышал твоим страхом, впитывая его, как губка, и возвращая обратно концентрированным и липким ужасом.

Он представил себе на секунду, что у него в руках есть кнопка. И есть бомба, такая мощная, что может стереть с лица земли Лондон или Москву. Одна бомба — и война окончена. Сломленный ужасом враг капитулирует. Спасённые жизни немецких парней, которые не пойдут в мясорубку на Висле или в Арденнах. Смог бы он нажать на эту кнопку? Зная, что в тот же миг умрут десятки, сотни тысяч людей? Таких же, как его соседи по дому в Дюссельдорфе? Старики, женщины, дети, которые просто хотели жить...

Хуберт не знал ответа. Раньше, в сорок первом, полный юношеского пыла и веры, он был бы уверен — да, без колебаний. Враг есть враг. «У них нет совести, как у нас, у них нет чести, они — орда», — твердила пропаганда. Но сейчас, после многих лет войны, после того как он сам видел мёртвых детей в разбомблённых советских деревнях, глядел в глаза русским пленным, в которых читался тот же животный страх и та же тоска по дому, что и в глазах его солдат... Уверенности не осталось. Война стирает границы. Стирает и границы моральные. Она превращает людей в палачей и жертв, и часто одно и то же лицо успевает побывать в обеих ролях. И в конце концов все оказываются в одной большой могиле, выкопанной безумием.

Он посмотрел вперёд, туда, где, не оглядываясь, как сомнамбула, шли Келлер с двумя своими людьми и их ящиками с приборами, которые иногда тихо пищали и щёлкали, вызывая у бывалых, выдавших виды егерей суеверный страх. Штурмбанфюрер не проверял охранение, не интересовался расположением сил, не отдавал тактических распоряжений. Он был погружён в себя, в свои старинные карты, испещрённые странными, угловатыми символами, и в тихий, односторонний диалог с этими пищущими ящиками, будто они были оракулами, говорящими на языке чисел и полей.

Что ты ищешь, доктор? — думал Хуберт, и в душе его поднималась старая, рабочая, мастеровая подозрительность к «образованным господам», которые всегда смотрят на таких, как он, свысока, как на расходный материал. Какую такую «силу»? Силу, которая спасёт Германию? Или силу, которая окончательно её уничтожит, разорвав на клочья, смешав с грязью? Ты ищешь нового бога, древнего и жестокого, чтобы принести ему в жертву нас всех? Наши жизни, наши души?

Он видел, как Келлер на привале достал тот самый бронзовый диск, покрытый витыми рунами, присоединил его к одному из ящиков, и что-то напевал над ним, низким, гортанным голосом, а символы на металле начинали слабо светиться мертвенным, болотным светом, от которого кровь стыла в жилах. Лицо учёного в этот момент озарялось нездоровым, фанатичным восторгом, экстазом посвящённого. Таким же восторгом, наверное, светились лица инквизиторов, сжигающих еретиков на кострах. Во имя «высшей цели». Во имя «спасения души». Или во имя «силы».

— Унтер-офицер? — Краузе прервал его размышления, протягивая алюминиевую флягу. — Вода. Холодная ещё, из ручья.

Хуберт взял флягу, сделал глубокий, жадный глоток. Вода была ледяной, обжигающей горло, и отдавала металлом, сосновой хвоей и глубокой, подземной горечью, как будто её набрали не из ручья, а из трещины в самом сердце этой древней, недоброй земли.

— Спасибо, Краузе, — хрипло сказал он, возвращая флягу.

Он встал, отряхнул штаны от приставших иголок и мха. Время привала закончилось. Пора. Они и так задержались. Лес, казалось, сжимался вокруг них, становясь темнее, плотнее, внимательнее.

— Вперёд, — скомандовал он, и его голос прозвучал твёрже, чем он чувствовал себя внутри. — Держите дистанцию, будьте начеку. Помните — мы здесь не одни. И здесь не только партизаны.

Цель. «Обитель Сумрака». Звучало как название из какой-то старой, тёмной сказки братьев Гримм, которую рассказывали у печки долгими зимними вечерами, чтобы дети боялись выходить в лес. Не место для солдат. Солдаты воюют за холмы, за переправы, за города с названиями, нанесёнными на штабные карты. А не за сказки, за тени и намёки. Но приказ есть приказ. И долг есть долг.

Он снова посмотрел на своих ребят. Они поднимались, беззвучно, по-кошачьи, привычными движениями проверяли оружие, поправляли португеи, занимали свои места в строю. Но в их глазах, в каждой морщине на их лицах, он читал одно и то же: они устали. Они не верили в эту миссию. Они просто выполняли приказ. А ещё они доверяли ему. Они верили, что старый, выдавший виды унтер-офицер Хуберт, который вытащил их из стольких переделок, ведёт их к выполнению долга. К победе. К тому, ради чего они все когда-то, давно, почти в другой жизни, надели эту форму, и поклялись служить и умирать.

«Я могу сказать им правду, — подумал он. — Я могу сказать, что Келлер — безумец, что эта сила не спасёт Германию, а уничтожит её. Я могу развернуть отряд и уйти. В леса. К партизанам. К любой другой жизни, только не к этой».

Он знал, что это возможно. Он знал, что его люди пойдут за ним. Но он также знал, что если он сделает это, его объявят предателем, его семья в Дюссельдорфе пострадает, а сам он станет изгоем. Страх перед последствиями был сильнее, чем голос совести.

«Простите, — прошептал он, глядя на своих солдат, которых вёл на верную смерть. — Простите, что я не могу быть сильнее».

А вместо этого он вёл их в самое сердце тьмы. И всё чаще ловил себя на мысли, что майор Фридрих был прав в своём смутном предостережении. Надо будет устроить засаду на их пути, понаблюдать — вдруг кто-то идёт следом? Осторожность не помешает. Но не только по отношению к партизанам или к самому Келлеру. А по отношению к тому, что ждало их впереди. К тому, что, возможно, дремало под этими камнями и соснами тысячи лет и не должно было быть найдено никогда. Ни немцами, ни русскими, ни кем бы то ни было из людей. Потому что некоторые двери, однажды открытые, уже не закрываются. И некоторые силы, раз пробуждённые, уже не засыпают.

Он поднял руку и скомандовал: «Вперёд». И они пошли — потому что другого выхода у них не было. Хуберт шёл последним, и в его душе, в том месте, где жила его совесть, что-то умерло. Он знал: он никогда не простит себе этого выбора.

Отряд, как единый, многоногий организм, тронулся, растворившись в зелёном полумраке леса, в его влажных, жадных объятиях. А в голове унтер-офицера Мартина Хуберта, старого, уставшего солдата, который когда-то искренне верил в светлое будущее, а теперь видел лишь узкий, скользкий туннель, ведущий в крошечную, немую тьму, звенела одна-единственная, отчаянная мысль, похожая на молитву атеиста: Господи, если Ты есть... только бы нам не пришлось заплатить за эту чёртову «победу», за эту «силу», цену страшнее, чем просто наша смерть. Чтобы расплачиваться не пришлось чем-то таким, чего уже никогда не вернёшь. Нашими душами. Нашим человеческим обликом. Чтобы мы, в попытке спасти то, что, возможно, уже не спасти, не превратились в то самое чудовище, с которым мы боремся.

Глава 14. Лагерь страха

Солнце скрылось за грядой холмов не постепенно, а резко, будто гигантская заслонка захлопнулась навсегда. На заброшенный объект «Гранит», как тяжёлое, мокрое одеяло, опустилась густая, непроглядная темень, вязкая и осязаемая. Лес, днём служивший нейтральным фоном их путешествию, превратился в чёрную, безмолвную стену, в бархатной толще которой каждый сучок мог оказаться рукой, а пара светящихся точек в чаще — взглядом зверя или чем-то похуже. Воздух стремительно остыл, и из бетонных разломов потянуло сыростью старого склепа, запахом ржавой стали и той особенной, металлической пылью распада, что въедается в носоглотку и остаётся на языке горьким осадком.

— Ну и дыра, — Чиж первым нарушил молчание, когда они вошли в здание бывшей столовой. Он пнул ногой пустую консервную банку, и та с грохотом покатилась по бетонному полу, звук многократно отразился от голых стен, превратившись в зловещую канонаду. Со стен на них смотрели граффити сталкеров разных поколений — угловатые надписи, стрелки, предупреждающие символы, — и пятна чёрной, бархатистой плесени, расплывшейся по стенам, как карта неизвестных земель. По полу гулял ветер, проникал через выбитые окна и лениво гонял ошмётки старой бумаги, похожие на высохшую кожу. Под ногами хрустело битое стекло.

— Прямо как в том хорроре, где всех по очереди мочили. Кто ближе к выходу — тот труп.

— Прекрати, — осадила его Маша, сбрасывая с плеча тяжёлый рюкзак. — И без того тошно.

Команда «Вепрь» устроилась на ночь в самом сохранившемся здании — бывшей солдатской столовой. Окна с выбитыми стёклами завесили плащ-палатками, превратив помещение в подобие жилого. На полу, очистив его от кусков кирпича, штукатурки и стекла, разложили спальники и коврики. В центре, на сложенном из обломков кирпича импровизированном очаге, зажгли газовую горелку. Её синевато-белое, неестественное пламя, немигающее и холодное, отбрасывало на стены резкие, прыгающие, как в лихорадке, тени. Они скользили по поблёкшим пропагандистским плакатам, по схемам пожарных выходов, по загадочным цифровым пометкам, оставленным последними обитателями — всё это смешалось в абсурдный коллаж ушедшей эпохи.

— Смотрите, — Одуван подошёл к стене и провёл пальцем по выцветшей бумаге. — «За нашу Советскую Родину!» И тут же — инструкция по тушению пожаров. Сюр какой-то.

— Ничего удивительного, — отозвался Сергей, раскладывая свои припасы. — У них вся жизнь была такой — пафос вперемешку с бытом. Лозунги на стенах и пустая картошка в котелке.

— По-разному было. А ты бы лучше сейчас картошку организовал, а не лекции читал, — буркнул Борода, вороша рюкзак. — Я так понимаю, с дровами здесь напряжёнка? Костёр не разведёшь — привлечём внимание. Кого тут только привлекать — непонятно, но привычка есть привычка.

— У меня тоже газ есть, — Пётр похлопал по баллону. — На горелке сготовим. Не шашлык, конечно, но чай согреть и приготовить чего-нибудь можно.

— Эх, шашлык бы сейчас, — мечтательно протянул Чиж, усаживаясь на спальник. — С лучком, с кетчупом... А не эту синтетику из армейских пайков.

— Доживём до утра — будет тебе шашлык, — пообещал Борода. — Если, конечно, эти стены не рухнут нам на головы. Слышите, как гудит?

Все прислушались. Ветер, прорываясь сквозь бесчисленные щели и дыры в стенах здания, издавал низкий, заунывный вой. Он то нарастал, то стихал, и в этом звуке чудились не просто природные колебания воздуха, а нечто осмысленное — будто само здание жаловалось на своё одиночество и запустение. Атмосфера была натянута до предела. Веселье и азарт испарились

без следа, словно их высосала сама бетонная громада базы. Их место заняло тяжёлое, гнетущее молчание, которое лишь подчёркивало звуки. Не тишину, а именно звуки. Снаружи, из-за завешенных окон, доносились звуки, не поддающиеся логике: металлический скрип, будто тянули что-то по ржавому листу; шелест, похожий на шуршание множества сухих листьев; глухие, будто подземные удары, от которых мелко дрожала пыль на полу.

— Ветер это, — сказал Алексей, но в его голосе не было уверенности. — Обычный ветер.

— Ага, — хмыкнул Чиж. — «Обычный». Ты на компас свой глянь, командир. Он с утра как с ума сошёл. Я свой проверял — та же хрень. Не указывает на север, а крутится, как б... как ненормальный.

— Магнитные аномалии, — подал голос Сергей. — Здесь руда могла быть. Или оборудование какое-то под землёй осталось. Сильные электромагнитные поля влияют на стрелку.

— Шестой десяток лет оборудование работает под землёй? — усомнилась Ольга. Она сидела чуть поодаль от общего круга света, прислонившись спиной к прохладному, шершавому стволу молодой сосны, удивительным образом выросшей внутри здания — люди покинули свои дома полвека назад, и их место заняла природа, и теперь она росла, ломая бетон, символ победы дикого леса над творением рук человеческих. В руках Ольги, движущихся с механической точностью, сверкали детали снайперской винтовки. Ритуал чистки был для неё медитативным, успокаивающим занятием, позволяющим думать о важном, пока руки делают привычное дело. Её взгляд, острый, сканирующий, привыкший за миг оценивать расстояние, ветер и намерение противника, сейчас медленно, методично скользил по лицам товарищей, выхваченным из мрака мерцающим светом горелки. Она мысленно раскладывала их по полочкам, как патроны в подсумке — по калибру, типу, назначению.

— Аккумуляторы сели бы за пару месяцев. Если только там не атомный реактор.

— Атомный? — Одуван округлил глаза. — Вы думаете, здесь могло быть что-то связанное с атомом?

— Да успокойся ты, — отмахнулся Борода. — Никакого атома тут нет. Обычная заброшка. Просто место глухое, лес давит на психику. Со всеми бывает.

— Со всеми, да не со всеми, — тихо, но отчётливо произнёс Виктор.

Он сидел в углу, в глубокой тени, отбрасываемой массивным металлическим шкафом. Его лица почти не было видно, только очки поблёскивали, отражая синеватый свет горелки. Голос его звучал ровно, без эмоций, но в этом спокойствии чувствовалось что-то неестественное, пугающее.

— Некоторые люди, — продолжил он, — более восприимчивы к... внешним воздействиям. У них психика тоньше, нервы чувствительнее. Они слышат то, чего нет. Видят то, чего нет. Им кажется, что за ними следят, что голоса звучат...

— Ты это к чему, Вить? — насторожился Пётр.

— К тому, что паникёров в группе быть не должно, — отрезал Виктор. — А если они есть — их надо изолировать. Чтобы общий настрой не портили.

Повисла неловкая пауза. Чиж переглянулся с Бородой, Одуван вжал голову в плечи. Маша, сидевшая над рацией, вдруг резко подняла руку, призывая к тишине.

— Тихо! — её голос прозвучал напряжённо. — Слышите?

Из динамика рации, сквозь непрекращающееся шипение и треск, прорвался звук. Сначала — просто ритмичные помехи, пульсирующие, как сердцебиение. Потом — голос. Мужской. Резкий, отрывистый, на немецком: «...verstanden? Wiederholen Sie die Koordinaten...» (Понял? Повторите координаты...) И снова — погружение в кипящую смолу помех.

— Это же... немецкий? — пискнул Одуван. Он сидел, поджав ноги, и обхватывал колени руками, пытаясь стать меньше. Во всей его позе читался страх, и он был простым, детским,

животным — страх темноты под кроватью, которая вот-вот оживёт. — Откуда здесь... в эфире... Маш, это шутка чья-то? Радишутка?

— Какие шутки, дурак? — огрызнулась Маша. Она сидела, скрестив ноги, в позе лотоса, словно пытаясь медитацией отгородиться от кошмара. На коленях у неё лежала рация — не обычный страйкбольный «Баофенг», а серьёзная «Тут-390». Её обычно спокойное, сосредоточенное лицо с тонкими, интеллигентными чертами было искажено гримасой глубокого раздражения и страха, который она тщетно пыталась подавить логикой. Пальцы её, тонкие и ловкие, белыми от напряжения костяшками вцепились в регуляторы. — Это не шутка. Это эфир. Частоты чистые, я проверяла. Ни одной станции в радиусе ста километров.

— Может, хулиганы какие? — предположил Чиж неуверенно. — Ребята-приколисты с рациями играют?

— Ночью? В лесу? На заброшенной базе? — Борода покачал головой. — Не смеши меня, Чиж. Тут и днём-то никого нет, а ночью — тем более.

Касьян хотел сказать что-то ободряющее, но слова застряли в горле. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— Ну, ребята, — сказал он, глядя в сторону двери, за которой стояла тьма, — мы же не первый раз в таких местах. Помните, как в Беларуси, когда дождь три дня лил, и мы в палатке сидели, а Чиж говорил, что слышит голоса?

— Это были грибы, — буркнул Чиж, не поднимая головы. — Я потом понял, что я их объелся. А здесь... здесь не грибы.

Шутка не сработала. Касьян замолчал, и в тишине стало слышно, как Маша перебирает частоты на рации, как Одуван дышит, почти не шевелясь. Касьян посмотрел на свои руки — большие, сильные, привыкшие держать инструменты — и понял, что в этой темноте они ничего не стоят.

— Сплошная каша, — Маша не отрывала взгляда от дисплея, где полоса помех бесновалась, как в эпилепсии. — Сплошной белый шум. Но не природный. Как будто... как будто кто-то гигантский мнёт и рвёт целлофан прямо у микрофона. Ни одной чистой частоты. Ни одной.

Она прижала наушник к уху так сильно, что её ушная раковина побелела. Мускулы на её шее напряглись.

— Может военная глушилка работает? — пробормотал Сергей. Он тоже слушал эфир на своей рации, с более широким диапазоном. В свете налобного фонарика его лицо казалось сосредоточенным до отрешённости. Он был похож на учёного, своими глазами увидевшего магию. Его мир был миром законов Ома и Ньютона, причинно-следственных связей. А здесь связь между причиной и следствием распадалась. Работающая рация не могла ловить голоса семидесятилетней давности. Его пальцы, обычно твёрдые и уверенные, слегка дрожали. — Остатки старого оборудования. Фонят кабели в шахтах. Или... военные где-то рядом. Учения. Электронные помехи.

— Какие, к чёрту, военные, Серега? — рявкнул Борода. Его добродушное, обветренное лицо стало мрачным, глаза, обычно ясные, сузились до щёлочек. Эта невидимая, странная игра нервировала его, вызывая ярость бессилия. Он сжимал и разжимал свои лопатообразные кулаки, мышцы на плечах играли под тканью. — Ты сам карты смотрел! Объект мёртв с восьмидесятых! Это... это какая-то чертовщина! Я чувствую, на нас смотрят. Постоянно. Со всех сторон. Не как человек смотрит. А как...

Он не нашёл слов, махнул рукой. А взгляд Ольги скользнул дальше.

— Серёг, ты бы отдохнул, — тихо сказала Ольга. — Завтра ещё день будет.

— Не могу, — не поднимая головы, ответил он. — Я должен понять, в чём дело. Эти помехи... они неестественные. Я такие раньше видел только в одном случае.

— В каком?

Сергей поднял голову, и в его глазах Ольга увидела не страх, а профессиональное любопытство, смешанное с тревогой.

— Когда мы в институте лабораторку делали по сильным электромагнитным полям. Если рядом мощный источник — рация сходит с ума. Но там источник был размером с комнату и жрал энергию как небольшой завод. Здесь, в лесу, откуда такому взяться?

— Может, под землёй что-то осталось?

— Пятьдесят лет, Ольга, ты ж сама сказала — Сергей покачал головой. — Любой аккумулятор сдох бы за месяцы. Любой генератор встал бы без обслуживания за пару лет. Если только... — он запнулся.

— Если только — что?

— Если только там не работает что-то, что не требует обслуживания. — Сергей говорил медленно, будто сам не верил своим словам. — Какой-то источник энергии, который не иссякает. Но такого не бывает. Законы физики одинаковы для всех.

— А если это не обычная физика?

Сергей долго молчал, глядя на неё. Потом тяжело вздохнул.

— Если не физика — тогда я пас. Я в этом не разбираюсь. Но тогда вся моя профессия — коту под хвост. Потому что если мир работает не по тем законам, которым меня учили, — значит, я ничего не знаю и не умею. А это... это страшнее любых голосов в эфире.

Олег, снайпер, молча сидел в самом тёмном углу, прислонившись к стене, его длинные ноги были вытянуты. Он не чистил оружие. Он просто сидел и смотрел в пространство перед собой. Он был охотником, а здесь чувствовал себя дичью. Его взгляд, привыкший за километр выхватывать малейшее движение, теперь беспокойно, почти болезненно скользил по тряпичным занавесам на окнах, будто ожидая, что они вот-вот раздвинутся.

— Страшно?

Он открыл глаза — спокойные, холодные, как вода в горном ручье.

— Страх — это когда не контролируешь ситуацию, — сказал он. — Я контролирую. У меня винтовка заряжена, сектора простреливаются, пути отхода просчитаны. Чего бояться?

— А если противник — не тот, в кого можно выстрелить?

Олег помолчал, обдумывая.

— Тогда буду искать другой способ, — наконец сказал он. — Но паниковать не буду. Паника мешает стрелять.

Она отошла, оставив снайпера в его тени. Станный человек, подумала Ольга. Но надёжный. В бою такой не подведёт, а вот в жизни?

— Тише! — снова, резко, почти истерично, выкрикнула Маша. Её лицо стало мертвенно-белым, как бумага. Она переключила рацию с нарнитуры на динамик. — Шёпот вернулся...

В столовой воцарилась абсолютная тишина. Даже дыхание замерло. Из рации, сквозь шипение, просочился звук. Тихий, шелестящий, как сухие крылья ночной бабочки. Это был не человеческий шёпот. В нём не было согласных, только шипящие и свистящие гармоники, сплетающиеся в нечленораздельную, но при этом жуткую речь. Он то приближался, нарастая, словно что-то склонялось прямо к микрофону, то отдалялся, растворяясь в белом шуме. В этом потоке звуков слышались не слова, а настроения: холодное любопытство, древняя насмешка и бездонный, ненасытный голод.

Одуван сглотнул. Звук был таким громким, что все невольно вздрогнули.

— Выключи... пожалуйста, — выдавил он, и его голос, сорвавшись на фальцет, прозвучал как крик раненого зверька. — Пожалуйста, выключи...

Маша не заставила себя ждать. Её рука дёрнулась, и штекер с хрустом вылетел из гнезда. Рация умолкла. Но тишина, наступившая после, была хуже. Она была гробовой, давящей, налитой незримым присутствием. Её нарушало лишь прерывистое, свистящее дыхание ребят и тот

самый назойливый, низкочастотный гул, который теперь, в полной тишине, слышался уже не в ушах, а где-то в костях черепа, в самой грудной клетке.

— Ничего себе ночка... — выдохнул Чиж. Он достал фляжку, сделал большой глоток и протянул Одувану. — На, хлебни. Легче станет.

Одуван послушно глотнул, закашлялся, но взгляд его чуть прояснился.

— Это всё нервы, — снова заговорил Виктор из своего угла. Голос его был спокойным, даже скучающим. — Вы сами себя накручиваете. Эфир — это эфир. Мало ли какие волны здесь отражаются? Ионосфера, полярное сияние, волновые явления. Радиолюбители знают: иногда слышно то, чего быть не может. Дальний приём, отражённый сигнал. Физика, а не мистика.

— А шёпот? — Ольга подняла на него взгляд. — Тоже физика?

— А шёпот — это ваше воображение, — отрезал Виктор. — Психика в состоянии стресса дорисовывает любые звуки. Было шипение — вы слышали голоса. Самовнушение.

— Слушай, Вить, — Борода подался вперёд, и в свете горелки его лицо казалось высе-
ченным из камня. — Ты тут сидишь, умничаешь, а у самого, небось, поджилки трясутся не
хуже нашего. Признайся уже, что страшно. Легче станет.

Виктор усмехнулся — сухо, без тени веселья.

— Страх — это реакция на неизвестное, — сказал он. — Я не боюсь неизвестного. Я
его изучаю. И вам советую.

— Изучатель хренов, — буркнул Чиж, но тихо, чтобы Виктор не услышал. Сам Чиж
сидел у стены, перебирал снаряжение и тихо напевал какую-то странную песню «Вот и умер
дед Максим...». Завидев Ольгу, он ухмыльнулся.

— Чего, командирша, нервишки шалят? Держи, — он протянул фляжку. — Коньяк.
Французский. Берёг для особого случая.

— А этот случай — особый?

— А то! — Чиж хохотнул. — Сидим в лесу, вокруг призраки шастают, в рации черти
разговаривают. Чем не особый случай? Давай, не стесняйся.

Ольга сделала глоток — коньяк и правда оказался неплохим. Тёплое покатилося по горлу,
разлилось в груди.

— Ты, Чиж, как всегда, со своим оптимизмом, — сказала она, возвращая фляжку.

— А что мне — киснуть? — Чиж убрал фляжку, продолжил перебирать патроны. — Я
так живу: сегодня есть — сегодня радуюсь. А завтра... ну, завтра разберёмся. Может, завтра
вообще ничего не будет. А может, будет — тогда и будем решать проблемы по мере их поступ-
ления. А пока — выпьем, закусим, песню споём. Красота!

— Мудро, — удивилась Ольга. — Никогда не думала, что ты такой философ.

— А я много чего умею, чего не думала, — Чиж подмигнул, возвращаясь к привыч-
ной маске балагура. — Могу ещё сплясать, если попросите. Но пока попросили — я посижу,
патроны посчитаю, магазины проверю.

Ольга усмехнулась и пошла дальше.

— А ты чего такой кислый? — Борода перевёл взгляд на Одувана, который сидел в углу,
обхватив колени руками, и раскачивался взад-вперёд.

— Страшно мне, — честно признался парень. Голос его дрожал, но в этой дрожи не было
стыда — только откровенность. — Вы все такие крутые, опытные, а я... я впервые в таком
месте. И эти голоса... и этот лес... Я уже почти домой хочу, Борода.

Борода крикнул, поднялся и, подойдя к Одувану, тяжело опустился рядом на корточки.

— Слышь, пацан, — сказал он негромко, но твёрдо. — Ты это брось. Домой мы все
вернёмся, но потом. А сейчас мы здесь. И мы — команда. Ты не один. Мы все боимся. Я тоже
боюсь. Только я свой страх в кулак сжимаю и делаю, что надо. А ты раскис. Так не пойдёт.

— А если я не могу? — Одуван поднял на него глаза, полные слёз. — Если я слабее вас?

— Слабее — не слабее, — Борода усмехнулся. — Это не спортзал, силу мерять. Тут другое важно. Ты своих не продашь? Струсишь — не побежишь, товарищей бросив?

— Не брошу, — твёрдо сказал Одуван, и в голосе его впервые за вечер прорезались мужские нотки.

— Ну вот и славно. А остальное — дело наживное. Держи, — он сунул парню бутерброд. — Ешь давай. На голодный желудок страх сильнее.

Одуван взял бутерброд, послушно откусил. Борода хлопнул его по плечу и вернулся на своё место. Ольга поймала его взгляд и благодарно кивнула. Борода отмахнулся — мол, ерунда.

Маша сидела над выключенной рацией, словно пытаясь взглядом заставить её снова заработать. Лицо у неё было бледное, под глазами залегли тени.

— Не спится? — спросила Ольга, присаживаясь рядом.

— Не могу, — Маша покачала головой. — В ушах этот шёпот стоит. И знаешь... я ведь технику хорошо знаю. Работала с разными частотами, с разными помехами. Но такого не было никогда. Это не естественные помехи, Оль. И не техногенные. Это... другое.

— А что именно?

— Оно живое, — Маша подняла на неё глаза, и в них стоял настоящий, глубинный ужас. — Понимаешь? Оно шептало не просто так. Оно слушало. Оно нас изучало. Я чувствовала, как оно там, в динамике, прислушивается, ждёт, что мы ответим. А если бы ответили? Если бы кто-то из нас сказал что-то в эфир? Что бы случилось?

— Не знаю, — честно призналась Ольга. — И надеюсь, не узнаем.

— А если узнаем? — Маша схватила её за руку — пальцы у неё были ледяные. — Если это только начало? Если дальше будет хуже?

— Тогда будем решать проблемы по мере поступления, — улыбнулась Ольга, повторяя Чижову фразу. — А пока — попробуй уснуть. Я рядом, Лёха рядом. Мы не дадим вас в обиду.

Маша хотела что-то сказать, но передумала. Только кивнула и отвернулась к стене, натянув спальник до подбородка.

Алексей наблюдал за всем, сидя на ящике у запасного выхода, спиной к стене. Он видел страх каждого, эту палитру ужаса — от животного ужаса Одувана до яростного бессилия Бороды, от профессиональной тревоги Олега до натужного спокойствия Сергея, цеплявшегося за шестерёнки и законы физики как за спасательный круг. И отдельно — холодную, отстранённую сосредоточенность Виктора, которая пугала Алексея больше всего. Потому что в ней чувствовалась не сила, а пустота. Будто человек внутри уже отключил все эмоции и готовился к чему-то, о чём остальные даже не догадывались.

Его собственный страх был иным. Тяжёлым, холодным и скользким, как речной камень в руке. Он боялся не за себя. Он, ведомый памятью, дневником деда и смутным чувством долга, привёл сюда живых, реальных людей. Его благородная цель — найти правду — начала казаться ему эгоистичной авантюрой, детской игрой в сыщиков на минном поле. Он должен был их вывести. Но как, если неизвестно, от чего бежать? От призраков в эфире? От собственной паранойи? От этого места, которое, казалось, медленно начинало переваривать их?

— Ладно, — Алексей поднялся, разминая затёкшие ноги. — Хватит нагнетать. Установим дежурства снаружи, у центрального входа. По два человека, по два часа. Остальные — спать. Завтра тяжёлый день, нужно быть в форме.

— А смысл? — подал голос Одуван. — Если кто-то придёт, мы даже не увидим. И не услышим. Здесь же стены... и эта тишина...

— Увидим и услышим, — твёрдо сказал Алексей. — Потому что будем внимательны. Первое дежурство — я и Ольга. Потом Борода с Сергеем. Потом Чиж с Олегом. Пётр и Барс под утро. Витя, Одуван, Гном — отдыхаете. Вопросы?

Вопросов не было. Все понимали, что спорить бесполезно, да и сил на споры не осталось. Люди начали устраиваться на ночлег, забираясь в спальники, отворачиваясь к стенам. Ночь

лишь начинала раскидывать свои сети, а стены столовой уже казались смехотворно тонкими, бумажными, неспособными защитить ни от того, что таилось в окружающей темноте, ни от того, что начинало шевелиться в глубине их собственных душ, подогреваемое страхом и этой всепроникающей, чужеродной вибрацией.

Когда посиделки начали по естественным законам распадаться, и ребята, подавленные обстановкой базы, поползли по своим спальникам, Ольга мягко, но уверенно коснулась руки Алексея.

— Пройдёмся? — тихо спросила она. — Воздуха глотнуть. Он встретил её взгляд, увидел в нём не просьбу, а необходимость, и молча кивнул.

Они выскользнули через чёрный провал запасного выхода, оставив за спиной островок неестественного света и давящей тишины. Луна, почти полная, висела в разрыве облаков, заливая заброшенный плац жидким, мертвенно-серебристым светом. Он превращал руины в декорации к древней трагедии. Воздух был холодным, чистым, пахнущим хвоей и свободой, резко контрастируя с затхлостью старой столовой.

Они шли молча, плечо к плечу, их тени, длинные и чёрные, тянулись за ними по бетону. Прошли так метров сто, удаляясь от здания, пока Алексей не остановился возле огромного, покрытого ржавыми пятнами вентиляционного колодца. Он развернулся к ней, и в его глазах, отражавших лунный свет, читалась такая глубокая, измученная ответственностью тревога, что у Ольги сжалось сердце. Он молча обнял её, прижавшись щекой к её виску, к её волосам, пахнущим дымом и лесом.

— Спасибо, Оль, — сказал он просто.

— За что?

— За то, что ты есть. За то, что рядом. За то, что не даёшь мне сойти с ума от ответственности.

Она взяла его руку в свои — холодные после ночного воздуха, но живые, настоящие.

— Мы справимся, — сказала она. — Что бы там ни было. Вместе.

Они стояли так, две тёмные фигуры у входа в заброшенную столовую, вслушиваясь в ночь. А за их спинами спали люди, каждый со своим страхом, каждый со своей надеждой. И все эти страхи и надежды сплетались в единое целое, делая их не просто группой случайных людей, а чем-то большим — отрядом, семьёй, командой. Которая завтра шагнёт навстречу неизвестности. И шагнёт вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.